

ТОМ ШЕРВУД

Призрак Адора

Сокровища ждут!

Том Шервуд

Призрак Адора

«Автор»

Шервуд Т.

Призрак Адора / Т. Шервуд — «Автор», — (Сокровища ждут!)

Багдадский наместник Хумим-паша желает сделать «живой» подарок турецкому султану. Его люди похищают двоих близнецов - детей владельца корабля, на котором Том Локк совершил своё первое плавание. Том набирает команду и бросается в погоню за похитителями. Однако корабль с янычарами перехватывают пираты и увозят всю добычу вместе с близнецами в своё маленькое государство Адор на побережье Мадагаскара. Том принимает решение проникнуть в пиратский Адор... Роман «Призрак Адора» - второй роман из уже полюбившегося российским читателям цикла книг популярного писателя Владимира Ковалевского (Том Шервуд) о жизни и необыкновенных приключениях мастера Томаса Локка Лея, плотника и моряка из Бристоля.

© Шервуд Т.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Пролог, постскрипtum	6
Глава 1	7
Пол вместо палубы	8
Тайна бегемота	10
Клабаутерманн	13
Леонард	16
Рогатое чудище	21
Глава 2	25
Упрямый мертвец	26
Маленький евнух	29
Оборотни	33
Глава 3	37
Сломанный кинжал	38
Похищение	43
Непредвиденные обстоятельства	46
Глава 4	54
Подготовка	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Том Шервуд «Призрак Адора»

ШЕНТИ

*Есть твой дом на земле,
Есть в нём хлеб на столе,
Но тебя всё зовёт рокот моря.
Будто в синей дали,
Далеко от земли,
Тебя манят и радость и горе.*

*Крикнет птица в ночи,
Промелькнёт свет свечи,
Ты не спишь, ты покоя не знаешь.
Волны мчат никуда,
Но живёшь, лишь когда
Вздёрнешь парус и ветер поймаешь.*

*Звёзды выставят путь,
Поплывёшь как-нибудь,
И не ступишь ты большие на сушу.
Будешь трезв или пьян,
Заберёт океан
Твоё тело, а Бог – твою душу.*

Пролог

В полночь меня просто подбросило на кровати. Хотя не корабельный пожар, и не нападение пиратов, и не прикосновение пробежавшей по лицу мокрой трюмовой крысы швырнули меня в земную реальность, нет. Мучительный, душный полусон-полуявь провёл передо мной вереницу смуглых людей, мускулистых, худых, обнажённых по пояс, в атласных малиновых длинных штанах. Лица их были безжалостны. В руках – большие изогнутые ножи. Они шли в мою сторону – и вдруг рты их раскрылись в немых воплях, а глаза засверкали: они *увидели* меня! Я сделал отчаянную попытку бежать, но не сдвинулся с места, а стал как-то странно проваливаться. Ноженосцы подпрыгнули, наклонились, не переставая вопить, а перед глазами мелькнула тонкая детская рука, почему-то покрытая шерстью, цепко сжимающая золотой тусклый то ли пест, то ли жезл с кольцом из синих самоцветов. Метнулось и исчезло чьё-то, диким образом изуродованное лицо, с глазками нечеловечьими, маленькими и пустыми; а из отдалённой темноты вылетел, кувыркаясь, тяжёлый, изогнутый нож и через невероятно короткий миг рассёк воздух у самой моей груди.

Я успел проснуться и только поэтому не закричал.

Пролог, постскриптум

Сон отчётливо говорил мне: “Берегись!”. Но дурные предчувствия покинули меня без следа, едва только я ощутил под ногами благословенную землю Англии. И другие мысли, и другие чувства заполнили всё существо моё.

Глава 1

Металлический скорпион

После, в другие годы, я испытывал это чувство много раз: озноб восторга, незримый мучитель, возникающий в первые дни жизни на твёрдой земле после длительного болтания над бездной. Как только сходишь с корабля, мир, долгое время ограниченный бортами, увеличивается в сотни раз. Вот тут-то и впиваются в тебя острые иглы долгожданного удовольствия, и появляется этот озноб, и охватывает тебя всего, от макушки до пяток. Поэтому первые несколько дней после плавания матрос проводит как бы вполъяна, даже без вина и рома. Быть может, именно по этой причине за несколько часов спускаются обычно деньги, которых другим хватает на годы, в друзья зовутся люди, от которых следовало бы держаться подальше, а страсть и обожание выплёскиваются на женщин, от которых сухопутные мужчины отворачиваются, кривя рот.

Пол вместо палубы

После того как я, считавшийся пропавшим, законный владелец первого этажа нашего дома, объявил о своих правах, его без долгих раздумий поделили надвое: в левой половине, в мастерской, обосновались женщины, в правой, в выставочном зале – все остальные. И уж здесь-то, в зале, было на что взглянуть. Не поместившаяся у стен мебель, как в военном госпитале, громоздилась в совершенном беспорядке, причудливым лабиринтом. Некоторые матросы, конечно же, бросились в город, выбрав по своему вкусу гостиницы и таверны. Но многие, те, что выполняли работы с товарами на складах и такелажом на “Дукате”, расположились вместе со мной в этом вот “госпитале”. Сиденья и спинки изысканных кушеток и диванов скрылись под сброшенной грубой одеждой, сундуками, скарбом, ветошью, инструментами, оружием. Испаряли свою горелую кровь масляные лампы. Блестели там и тут медные части секстантов и компасов. Звенели монеты, гремели подбитые гвоздями башмаки. Гомон и смех, смешиваясь с табачным дымом, качались под потолком. Лоскуты, нитки, иглы, колбасные шкурки, бухты тонких канатов, фитили, шляпы, ружейные замки и пистолеты, выложенные для починки и чистки, вороха белья – как свежего, так и ношеного; накупленные без нужды безделушки, две клетки с птицами. Наконец, у самой двери неизвестно кем и для чего принесённое с “Дуката” пушечное ядро. Сухари, порох, пустые и полные бутылки; удары кресал, высекающих огонь для трубок, шутки, хохот, заунывные подвывания, считающие себя, без сомнения, матросскими песнями – шенти. Мы дома. Мы на земле.

За домом, в обширном и мрачноватом дворе, на четырёх массивных камнях утвердили плиту, под которой непрерывно горел огонь. Так же непрерывно колдовала здесь миссис Бигль: желающие покушать не переводились.

Мелькали лица. Мясник, угольщик, констебль, нищий, наладчик навигационных приборов, весёлая и нахальная девица (вон её!), трубочист, аптекарь. Появлялись и свои – Давид, Алис, Эдд, Корвин. И снова чужие – дегтяр, зеленщица, священник, набивающий себе цену чиновничий из адмиралтейства, точильщик. Ну и конечно, поток шумных, всё время спешащих, хохочущих матросов. Орда захватила первый этаж, и качалась там, и гремела.

И напротив – затаились и умерли верхние этажи. Владелец их набрался сил прийти лишь на третий день, вечером.

Мы с Бэнсоном ужинали. Кое-что нужно было обговорить вдвоём, мы закрылись в бывшей моей комнатке с подоконником, ну и слегка закусывали. Отворилась дверь – неуверенно, робко. Сосед. Взъерошенный, бледный, губы и щёки дрожат. Он нерешительно замер в проёме, но за спиной его кто-то свистнул, что-то грохнуло, и он метнулся к нам, захлопнув поскорее дверь.

– Гунны!¹ – бормотал он в опасливом, остороженьком гневе. – Берсерки!² Дикое племя, варвары!

По полу салона прокатилось пушечное ядро и с грохотом врезалось в дверь. Гость вздрогнул, втянул голову в плечи, упал на скамью. Бэнсон молча нарезал новых кусков ветчины, наломал сыр, налил пива, подал соседу. Тот двумя руками принял кружку, сделал глоточек. Да уж, не так пил он у нас пиво два года назад, не так. Тот был – властный хозяин, а этот – сиротка, запуганный и дрожащий.

Однако сироткой он оставался не долго, а лишь до тех пор, пока не выложил то, с чем пришёл. Для меня, скажу честно, это было бесценным подарком. И, когда он назвал цену, я готов был выложить денежки, не торгуясь, да ещё и прибавить, и ещё долго-долго благодарить.

¹ Гунны – древний кочевой народ, воинственный и жестокий.

² Берсерк – арабское название барса.

Сказав, что он не имеет средств, чтобы вернуть мне арендную плату за два года, сосед предложил просто учесть эту сумму, списав её при сделке. А сделка такая: он продаёт мне оставшиеся два этажа, а сам со всей семьёй уезжает на приобретенную не так давно ферму (не там ли мои денежки, а?). Я готов был уже лезть под кровать и доставать кошель, но вдруг вспомнил, за какую сумму мы с плотником купили первый этаж, и сопоставил с тем, сколько он просит сейчас. Тут же с искренним недоумением я его об этом спросил. И разразилось торжище! Мы кричали, брызгая слюной, стучали по столу, расплёскивая пиво, и с неподдельным возмущением негодовали. Он настаивал на аргументе, что приобретаются не просто второй и третий этажи, а весь дом, целиком, без соседей, и, конечно же, такое приобретение и должно стоить дороже. Я же с грозным изумлением вопрошал – вот если бы он продавал эти два этажа любому другому человеку, то брал бы сумму, как лишь за два этажа. Я – равный со всеми в этой стране покупатель, но лишь за то, что это я – мне предлагается цена более чем вдвое! Где логика? Где справедливость? Хозяин тут же выкрикивал, что да, продавать кому-то постороннему – обычная цена. Но если бы покупателем был владелец подвала и первого этажа (кто-то другой, а не Томас Лей), то и ему выставилась бы цена более высокая, поскольку и он тогда становился бы обладателем всего особняка.

– Не стану, – устало заявил наконец я, – покупать два этажа по цене четырёх.

– Тогда нам придётся и дальше жить у вас над головой, – отвечал он.

– Суд и взыскание арендной платы! – угрожал я.

– Залог фермы и выплата, – не боялся он.

А Бэнсон невозмутимо ел! Та-ак, ну ладно. Я поднял палец вверх и многозначительно проговорил:

– Но при всех судебных и прочих делах мои интересы будет представлять моё доверенное лицо. – Кивок в сторону Бэнсона. Тяжёлая, мерно жующая челюсть. Плечи, как два сундука. Крупная шишковатая голова. Кулачище в страшных шрамах. – Те, кто хоть когда-нибудь с ним спорили, больше не спорят. Поверьте. Ему не страшна полиция. Сегодня он здесь, завтра – в море...

Вдруг Бэнсон, добряк, молчун, застенчивый Носорог – взял тяжёлый и длинный нож, которым резал ветчину, вытянул его в сторону продавца и спокойненько, тихо сказал:

– Я таких ловкачей всегда на реях вешал. Сотнями!! – рявкнул вдруг он и шархнул черенком ножа по столу, и привстал, и завис над нами.

Я сам подпрыгнул и вздрогнул. А Бэнсон сел, допил пиво, посмотрел в пустую кружку. Потом спросил меня снова негромко и равнодушно:

– А у нас сегодня человеческой крови нет? Нет? Эх, жалко... Пойти тогда, хоть свинью зарезать, что ли...

Встал, взял кружку, нож и вышел.

Я не мог дышать. Я стонал, икал, давился смехом. На глазах выступили слёзы. И я удачно нашёл, как объяснить эти слёзы:

– Вы не поверите, как я его жалею. Погиб, пропал человек. Мальчишкой попал в Африке в плен к людоедам, – и вот к чему привык! Бедняга...

Хозяин тоже икнул, судорожно хлебнул пива. С отчаянием проговорил:

– Цена двух этажей, но про арендный долг забываем.

– Завтра с бумагами у нотариуса, – закрепил я.

Он вышел, придерживаясь за стену. Я догнал его и, придерживая за локоток, проводил сквозь “берсерков” и “гуннов”. Ночью, мечтая о доме, плохо спал.

Тайна бегемота

Как только мы выправили бумаги, сосед уехал. Быстро, в один день. Уж в помощниках и грузчиках недостатка не было! Я не верил себе, когда стоял возле дома, глядя вслед отъезжающим повозкам с чужим скарбом, сжимая в руке большую связку ключей, о которых не знал даже – какой что отпирает. В голове стоял назойливый призрачный звон – аккомпанемент свалившемуся на меня счастью. Дом, особняк – и где! Почти в центре Бристоля! Свадебный подарок для Эвелин, и такой, какой не в состоянии сделать человек. Из тех, которые под силу лишь самой Судьбе. И страшно, и весело.

Вечером мы с Бэнсоном пребывали в уютнейшем в мире месте – на женском полуэтаже нашего дома. Что с того, что это всего лишь столярная мастерская! И верстаки, и сметённые в одну большую, с смолистым запахом, кучу стружки, и стоящие вприклон к стене гладко выструганные плахи – всё это никак не мешало новеньким занавесочкам, узорчатым тканым дорожкам, появившимся неизвестно откуда цветам в вазах. За одним из столярных столов Мэри и в неизменных белых перчатках Уолтер неспешно пили чай. Алис уложила Бэнсона животом на пёструю вязаную дорожку и осторожно переступала босыми ножками по его спине, плечам, икрам. Время от времени удовольствие его доходило до какого-то тайного предела, и тогда над полом прокатывался могучий вздох – как будто в углу у нас лежал и пыхтел откормленный племенной бык.

Эвелин, моя объявленная невеста, стащила с моих ног башмаки и опустила мои ноющие, не знавшие в последние дни покоя ноги в большую дубовую лохань с горячей водой. Она, Гордая Королева, Солнце, Недосыгаемый Ангел, присела, подобрав юбки, сбоку, взяла шарик белого мыла и принялась мыть и разминать мои ступни. Наверное, я никак не вхожу в образ мужественного, волевого мужчины (ещё не вырос, наверное), и радость и счастье такой громадной и сладкой волной поднялись в груди моей, что из глаз выкатились, как я ни сдерживался, жаркие слёзы. Эвелин в какой-то момент подняла вдруг лицо – и оно задрожало, и судорога сладостной боли промелькнула на нём. Она сидела, смотрела снизу на меня и тоже тихо плакала.

– Как я тебя люблю, – проговорил я одними губами.

– Как я тебя люблю, – так же немо ответила она, сжимая пальцами под водой мои ступни. По воде разбегались кружочки от упавших в неё тяжёлых солёных капель.

Уже давно остыла вода, и почти растаяло мыло, а мы никак не могли прийти в себя. Помогла Алис. Долетел вдруг до нас её любопытный и настойчивый голосок.

– Ну Бэнсик, миленький, ну скажи, что вы с Томом скрываете!

Она стояла на коленях на его спине и, наклонившись к его щеке, жарко дышала, целовала, упрашивала.

– Ну скажи, про что вот ты говорил, что вы такое сделали? Или собираетесь? Это что-то большое? А не опасное? А я там есть?..

Бэнсон страдальчески кряхтел, отворачивался – и держался – было видно – из последних сил. А его рыженькая, с искорками в глазках половинка не отставала:

– Бэнсичко, скажи, скажи, негодяйко! Это страшная тайна, да? Ой, скажи-и! Ты тогда будешь не Носорог, Бэнсик. Ты тогда будешь Бегемот. Всё? Всё, скажешь?

– Что там за тайна, Бэнсон? – спросил я, тщательно вытерев перед этим глаза.

Он повернулся, виновато взглянул на меня и поднял вверх палец. Все посмотрели на потолок.

– Ловкач? – догадавшись, спросил я.

Он кивнул. Я сделал страшное лицо.

– Бэнсон! Как ты мог раскрыть такую тайну!

– Я только два словечка сказал, случайно...

– Сказал, сказал, – запрыгала на нём Алис. – Что вы все деньги на что-то истратили.

– Да? – вознегодовал я. – А не говорил, как он хвалился, что человеческую кровь пил? Когда каких-то ловкачей на реях вешал? Сотнями? А?

– А-а-ай! – в восторге завизжала Алис. – Ну всё, Бэнсик, рассказывай!

А я повернулся к Эвелин.

– Мы и правда истратили почти все английские деньги, – сказал я ей. – Понимаю, что две свадьбы скоро, но... Теперь постараюсь быстро продать товары с “Дуката”.

– Зачем ты оправдываешься, Томас, – ласково упрекнула она меня. – Я давно уже знаю – так, как делаешь ты, – это так, как надо. Ты ведь купил что-то нужное?

Я на секунду смешался, не зная, как сказать – ведь предполагалось, что эту новость я преподнесу, соответствующим образом её приготовив. Да видно, нечего делать. Приходит срок – и без тебя вершится случай, ты же знай лишь поспевай по горячему следу. Я сокрушённо вздохнул, встал, выбрался из лохани с водой и, оставляя на полу и дорожках мокрые следы, прошагал к двери.

– Вставай, Бегемот, – сказал на ходу. – Пойдём уж, покажем эту страшную тайну.

И, распахнув дверь в коридор, крикнул:

– Вахта!

Расположенная напротив дверь выставочного зала приоткрылась, выпустив полосу света и клуб редющего белого табачного дыма; в щель просунулась чья-то голова с жующим ртом.

– Пару вахтенных сюда, – сказал я.

Рот перестал жевать и исчез, дверь закрылась, обрезав свет, а я повернулся к радостно взволнованной компании. Бэнсон, виновато улыбаясь, сидел на полу, скрестив ноги, Алис рыженькой белкой устроилась на его плече, как на троне. Пряча улыбку, вытирала руки передником Эвелин, подобралась поближе старички Бигли.

– Где-то я видел большие подсвечники, а, Эвелин, Мэри? Давайте их сюда. О свечах сейчас распоряжусь...

Сказал, обернулся – и вот: двери распахнуты, дым радостно выбегает в коридор, а в освещённом проёме стоят двое, дальше – ещё десяток, все с оружием, лица напряжены и внимательны.

– Свечей две связки, – сказал я им с затаённой признательностью, – и три человека. Оружие оставить, воевать сегодня не будем...

Через минуту мы в сопровождении троих матросов с зажженными семисвечными канделябрами двинулись по покрытой прыгающими тенями лестнице на второй этаж. Я сам ступал здесь впервые, поэтому подолгу возился возле каждой двери, подбирая к ней ключ.

Чуть тронутые остатками вечерней зари, заляпанные косматым мечущимся светом свечей голые стены гулких пустых помещений. Длинные коридоры, комнаты, комнатки, каморки. Две разорённые, ограбленные ванны с торчащими из стен обрезками свинцовых труб. Хлам и мусор в углах. Куски ломаной мебели. Запах кислой капусты, жареной рыбы и растревоженной пыли. На третьем этаже – комнаты поменьше, на втором – побольше, и одна из них – громадная обеденная зала, перегороденная для чего-то тонкими, кривыми, не достающими потолков дощатыми стенами. Я разглядел, наклонившись, что прибиты они не к полу, а к лежащим на нём деревянным брускам. Кивнул Бэнсону. Почти не напрягаясь, он по очереди отнял их, вместе с брусками, от пола и составил, словно громадные игральные карты, у дальней стены.

Да, зала. Да, громадная. Ярдов восемьдесят или девяносто квадратных, в темноте не разберёшь. Отсюда начинали обход, сюда и вернулись. Всё. Наполненное звуком гулких шагов и созерцанием пустых покинутых помещений путешествие завершилось.

– Том, а где жильцы?

– Мистер Том, а что вы купили? – одновременно спросили меня наши дамы.

– Вот это! – я широко раскинул руки в стороны.

– Что “это”? – озадаченно пискнула Алис, косясь на составленные Бэнсоном перегородки.

– Это! Вот всё э-то! – Не опуская рук, я повернулся вокруг себя; чуточку присев, подпрыгнул.

– О, Томас, – изумлённо и тихо почти простонала Эвелин. – Ты купил весь дом?

– Весь, милая. С чердаком, двором и конюшней.

Ахнула моя невеста, с шумом выдохнули матросы, застонала и захлопала в ладоши Алис. Мистер Бигль воздел вверх руку в белой перчатке и покачал ею в знак восхищения. Алис снова увлекла всех в повторное путешествие, и все ушли, восторженно восклицая и капая воском на заваленный мусором пол. Мы двое остались в темноте. Эвелин подошла, подняла ко мне руки, прижалась, устроившись щекой на груди, и мы молча так простояли, стиснув друг друга, покачиваясь, пока не стали возвращаться ушедшие.

Клабаутерманн

С утра я затеял и двинул вперёд громадное, тяжкое дело: решил перестроить и обновить весь дом. Не просто подкрасить потолки и стены, но и перестелить полы, заменить окна, двери, перебрать печные и каминные колонны, положить на крыше свежую черепицу. Ну и новая мебель, конечно.

Утром как раз приехал из порта Бариль. Я спросил его, сколько людей можно поставить на эти работы. Он неторопливо посчитал, перечислил, а в самом конце добавил:

– И ещё, так уж и быть, пришлю с “Дуката” главного в таких делах.

– Это кто же такой? – заинтересовался я.

– Клабаутерманн, – понизив таинственно голос, ответил боцман.

– Не помню, чтобы был такой матрос на корабле, – с удивлением взглянул я на него.

– Это не матрос. Клабаутерманн – немец, и имя его, если переводить с того же немецкого, означает “конопатчик”. Сам я его не видел, но те, кто видели, говорят, что он маленького роста, в красной рубаше, с короткой и пышной седой бородой. В руке – деревянный большой молоток.

– И он есть на нашем “Дукате”?

– Клабаутерманн есть на каждом корабле. Некоторые этого не знают, некоторые знают, но не верят, но когда в трюмах появляется течь, то вдруг раздаётся стук невидимого молотка – это Клабаутерманн спасает корабль. Тут уж не до гаданий – а бегом инструменты в руки – и за дело. А он ведёт матросов в тёмных трюмах, указывает стуком дорожку к пробоине.

– Так он что же, корабельный домовой?

– Вот-вот, или домовый корабельник. Уж там, где есть стружка и краска, – он незаменим.

– И как же ты его переправишь сюда с “Дуката”?

– Про то сам знаю, – уклончиво ответил Бариль и, спросив позволения, удалился.

Двенадцать матросов, гремя башмаками, сновали над головой и на лестницах. Они выносили и сваливали во дворе мусор и деревянный хлам. А к обеду – очень своевременно – появился решившийся, но всё ещё дрожащий столяр.

– Та-ак, – встретил я его достаточно строгим тоном. – Значит, два года тратился лишь на аренду, а остальной доход с мастерской – в свой карман?

– Верно говорите, мистер Том, правильно, – не стал, к моему удивлению, юлить мастер. – Себе брал денежки, так.

Он вытащил из-за пазухи тряпицу, развернул её – в ней оказались деньги – и присовокупил ещё какие-то бумаги.

– Вот здесь я посчитал, за вычетом моего положенного заработка, какой на мне долг, но сейчас могу вернуть только маленькую часть, сами видите, как всё внезапно...

– Ладно, об этом потом, – проговорил я вдруг севшим голосом. – Как умер старый плотник?

– Ему стало хуже сразу после вашего отъезда, мистер Том. Он и двух дней не протянул. А отошёл незаметно; ему кушать принесли – а он уже холодный. Я его в хорошем месте похоронил, место выкупил – не поскупился.

– Ты похоронил?

– Я сам. Когда прикажете – отвезу на могилку-то. Хорошее место, сами увидите. Сосна сразу за ним, ядрёная, большая, так что ямку ровно между самых корней положили. Да. Всю-то жизнь сосну строгал да пилил, а срок пришёл – сам под сосной-то и лёг. Место дорогое, да как было скупиться-то, ведь всё остальное, считайте, бесплатно. Гробик сами сладили, со старанием сделали гробик, из бука...

– Из бука?

– Да, нашлись в то время сухие обрезки, короткие. Старичок-то маленький стал, как ребёнок.

– Ладно, мастер, – тяжело вздохнул я. – Ты вот что. Ты денежки спрячь. Не возьму я у тебя денег. А долг твой взыщу работой.

– В чём работа? – радостно вскинулся столяр.

– Дом мне отделаешь. Чтобы всё новое – оконные рамы, двери, полы, подоконники. Ну и мебель, конечно. Это уже после обсудим.

– А материал, дерево?

– Материал будет.

– А что моя должность...

– Место остаётся за тобой, и то же жалованье. Удовольствуешься?

– Чего уж там, мистер Том, и мечтать не мог!

Чуть не бегом он отправился в подвал, в мастерскую, а я двинулся, прислушиваясь к своему голодно урчащему животу, на задний двор, к Мэри, предполагая наскоро стащить что-нибудь с плиты. Навстречу мне топала вереница матросов. Они несли наверх вёдра с известью и песком, мел, сито. Значит, уже оба этажа вычистили! Ты, оказывается, молодец, Клабаутерманн. Трудяга.

Но этот невидимый хлопотун успевал, как оказалось, поворачиваться и на корабле! Я убедился в этом, приехав назавтра в порт. “Дукат” скрипел и стонал от переделок, устроенных Барилем и Стоуном. Усиливался и без того надёжный крепёж, швы проливались смесью смолы и серы, смолилась также каболка и пересмаливались наново купленные только что канаты и фалы. Радуюсь встрече с добрым, надёжным, трёхмачтовым другом, приятно взволнованный, я принялся шнырять и совать нос во все углы. Стоун с мостика двинулся было ко мне, но я махнул ему рукой: потом, потом!..

В большом камбузе установлена вторая печь, и в ней – второй котёл, всё как я указал. Стоун попыттел было – кирпичная печь – лишняя тяжесть, ровно на столько же будет недобор товара, но я остался непреклонен. Ведь воду в плавании берегут чрезвычайно, и котёл после жирного не моют, так что компот или чай выходят таковы, что человек непривычный и глоточка не выпьет. Теперь – не так. Второй котёл будет неизменно чист. И матросы станут питаться как на земле, и воду для раненых можно согреть, если они появятся. Маленький, офицерский камбуз – тоже с изменением: в его стене проделана дверца в продуктовый трюм. Не будет на “Дукате” ни провиантмейстера, ни бачковых, ни баталера³. Всем этим может и должен заведовать один человек: непосредственно кок. Тогда не станет склок и раздоров среди кормящейся братии и не будут толкаться в камбузе бачковые, приготавливая пудинг каждый для своей вахты. И за продукты будут отвечать не три человека, кивающие друг на друга, а один.

Я вздохнул. Где его взять, такого, чтобы и повар был умелый, и человек чистоплотный и честный. Ни один толковый матрос на эту “женскую” работу не пойдёт: застыдится. Поэтому обычно и царствуют в камбузах людишки легковесные, из тех, что обжираются за счёт команды и подкармливают любимчиков. Не зря у морского люда на их счёт сложились обидные прозвища: “камбузный жеребец”, “тухлый король”, “сальная пакля”. Хороший кок – чудо редкое. А уж как нужен! Ведь Мэри на корабле больше не будет, кому доверить камбуз? Задача.

Так раздумывал я, гулко топая по трюмовым трапам. Очень меня интересовало спальное помещение для команды. Всё ли там так, как я велел? На деле оказалось даже лучше. Расширенное за счёт второй, нижней, пушечной палубы помещение (Стоун заламывал руки и поднимал к небу глаза – но молчал) разделено на левую и правую стороны. Два длинных ряда спаль-

³ Команда на корабле делится на вахты, в каждой из которых один матрос назначается ответственным за бачок, в котором готовит для вахтенных что-нибудь кроме основной, камбузной еды: компот или пудинг. Вот он и есть бачковый. Баталер – матрос, отвечающий за воду. Провиантмейстер – заготовщик всех прочих запасов.

ных чуланчиков, словно пчелиные соты. Я зашёл в один. Узенький, – ярда на три, – коридор. По правую руку в нём – деревянная кровать, привинченная к стене, за которой – коридор следующей каютки. Под кроватью достаточно места для сундуков и обуви, в стене – крючки для одежды. Я никогда не был матросом, мне не приходилось спать, отстояв очередь на единственные нары, вмещающие восемь человек, на которые укладывалось тем не менее двенадцать, и все двенадцать сдвигались так плотно, что поворачивались одновременно, по команде. Да, я не матрос, но я человек, и знаю, что на такой вот кровати, а не на болтающемся с дикими взлётами и рывками гамаке, можно действительно отдохнуть и набраться сил для следующей вахты. Да и места занято не так уж много. Двадцать одиночных каюток слева, двадцать справа. Да двадцать матросов на вахте – можно смело брать шестьдесят человек команды. А пушечные портики, если поднять их створки, дадут сколько угодно свежего воздуха. Вот так. Здоровый матрос – это надёжный корабль и удачное плавание.

Всё покрашено. Всё чисто. Пахнет воском и скипидаром. Молодец, Стоун. Очень хорошо. Теперь посмотреть, как установлены новые баки для воды – стальные, прямоугольные – вместо круглых деревянных. Расходов много, да зато жить веселей: в деревянных ёмкостях вода уже через пару недель становится вонючей и вязкой. В стальных – совсем не то. Они занимают меньше места при большем объёме, дольше держат воду свежей, к тому же в каждый бак я приказал поставить по пластине чистого серебра. Известно ведь, и давно известно, что серебро сохраняет воду свежей сколь угодно долго. Недаром в древности выше всякой другой посуды ценились кувшины, в дно которых мастер-гончар заделывал серебряную монету. Так что уж тут скупиться! Главное, чтобы о серебре в питьевых баках никому не стало известно. Всего двое знают о нём – транжира Том Локк, да капитан “Дуката” Энди Стоун. Хотя нет, есть ещё третий, но он-то уж точно никому не выдаст: надёжный маленький человечек, добрый старый Клабаутерманн.

Леонард

Поднявшись на палубу, я немного поговорил с Энди.

– Баки хорошо проклёпаны? – спросил я его.

– До сих пор нигде не просочилось ни капли.

– Так они что же, залиты водой?

– Уже два дня. Перед отплытием, если понадобится, поменяем воду на свежую.

Серебряные пластины стоят?

Конечно. Сам ставил, пред тем, как наполнить. Ночью возился, при свече. Никто не видел.

– Хорошо. Как Бариль? Справляется?

– Как боцман – незаменим. Мне с ним легко.

– Радостно слышать. Сколько матросов на борту?

– Чип, парусный мастер, я сам, смена из трёх часовых возле крюйт-камеры...

– Она уже заполнена порохом? – перебил я его.

– До верха. Оллиройс нашёл порох высокого качества и недорогой. Сам следил за погрузкой. Дверь замкнул, один ключ отдал мне, второй повесил на шею рядом с нательным крестиком.

– Сейчас-то он где?

– Завёл с кем-то знакомство в оружейной палате адмиралтейства, не скупясь поит и угощает. Говорит, подобрался к чему-то очень нужному, какой-то новый вид пушек. Рассчитывает добыть один комплект для «Дуката».

– Хорошо, ладно. Оллиройс, надеюсь, знает, что делает.

– Так вот, шесть человек на борту постоянно, да дюжина сменных. Тех, что заняты корабельной работой.

– На смену, как обычно, приходится из трактиров вытаскивать?

Стоун многозначительно посмотрел на меня и с явным удовольствием сказал:

– Каждый второй день, за час до смены, на берегу выстраивается до двадцати человек, хотя шлюпу я посылаю за двенадцатью. Смена отплывает к кораблю, остальные с завистью смотрят им вслед, вздыхают, потом медленно расходятся.

– Сами рвутся сюда? Отчего ж такие чудеса? – Я недоверчиво посмотрел на него.

В ответ Энди тронул меня за рукав, кивнул приглашающее и повёл к носу «Дуката», на бак. Остановился чуть в стороне от фок-мачты и показал взглядом. За мачтой, привалившись спиной к её необъятному стволу, сидел парусный мастер и проворно метал иглой. Ноги его и вся палуба вокруг были залиты огненно-красным озером: искристыми волнами текли, пламенили куски и полосы красного шёлка.

– Шёлк, мистер Том, – тихо пояснил капитан, – который вы распорядились отдать команде после абордажа у Чагоса, идёт на рубахи. Особенно ценятся те места, которые пробиты пулями или покрыты пороховой копотью. Во всех тавернах, на всех рынках Бристоля сейчас самый дорогой предмет – такая вот рубаха. Теперь это отличительный знак матроса с «Дуката», предмет зависти и торга. Никто из команды, конечно, свою рубаху не продаст, но двое-трое, объединив обрезки, относят их к парусному мастеру, тот выкраивает из них лишнюю рубаху, и вот её-то и продают. Повторяю, деньги дают безумные. Кое-кто в подражание шьёт похожую из красной материи, но такого шёлка, мистер Том, который вы взяли в Мадрасе, здесь нет и не было. Поэтому подделку сразу распознают и осмеивают. И ещё. К каждому, на ком сейчас наша рубаха, пристаёт и что-то нашептывает разный морской люд. Все мечтают попасть в команду «Дуката».

Мы тихо отошли.

– Я делаю вид, – доверительно сказал Энди, – будто не замечаю, чем он там занят, это ничего, мистер Том?

– Это вполне разумно, капитан. Это правильно. Хорошая ведь возможность – из всех желающих попасть в команду выбрать самых толковых. Жалею теперь, что не догадался оставить для себя кусок такого шёлка.

– Об этом не беспокойтесь, мистер Том, – многозначительно взглянув на меня, ответил Стоун.

Мы расстались. Я спустился в шлюпку и, задумавшись об Оллиройсовых пушках, не заметил, как шлюпка подошла к пристани.

Здесь стоял запыхавшийся, почему-то тепло одетый Бэнсон. Лицо его было покрыто крупными каплями пота. Я отослал шлюпку назад, посмотрел на него с удивлением, спросил:

– Где был? Откуда спешишь, что так взмок?

– У оружейника был, – тяжело дыша, сказал он. – Заказ мой выполнен...

– Какой заказ?

Он внимательно глянул влево-вправо, придвинулся на шаг, распахнул плащ и толстую матросскую куртку. Грудь его, от ключиц до пояса, закрывал мягкий коричневый кожаный пласт. На нём в искусно вделанных металлических кольцах и полускобах покоились странного вида пистолеты. Два ряда. Четыре слева, четыре справа. Стволы чуть вниз, сходятся к середине груди. Мерцают, отсвечивают блестящим чёрным лаком маленькие лёгкие рукояти. Бэнсон был похож на громадного жука с членистым хитиновым брюхом.

– Собрался на войну? – уважительно спросил я его.

Он кивнул, тут же отрицательно качнул головой, смешался и покраснел.

– С вами теперь буду, – глядя на меня в упор, непреклонно заявил он.

– Личный охранник, что ли? А для чего?

– Мадрас, – произнёс Бэнсон и взгляд его стал холодным и колким.

– Носорог, – зябко поёжившись, сказал я. – Не будем вспоминать о страшном. Дай-ка лучше взглянуть.

Он ловко выхватил из держалок и протянул мне пистолет. Вот так уродец! Ствол короткий и очень толстый, под мушкетную пулю. Маленькая рукоять вся скрывается в ладони. Никакого противовеса, никакого прицельного приспособления – оружие явно для ближнего боя. Предельно уменьшенный гладкий курок накрывает тускло поблёскивающий красным медный капсюль.

– Наш оружейник делал? – спросил я, возвращая пистолет. – Как успел так быстро?

– День и ночь делал, – с гордостью ответил Бэнсон, – все прочие заказы отставил. Я рассказал ему, что это для вас.

– Про Мадрас рассказал?

– Первым делом.

– Ну хорошо. Пусть будет.

Мы зашагали по пристани.

– Поест не мешало бы, – сообщил я. – Ты как?

Он молча кивнул, и мы зашли в ближайшую таверну.

Здесь произошло непредвиденное. Едва мы вошли внутрь, как вдруг сидящий за одним из столов человек в красном вскочил и вытянулся. Мгновение все смотрели на него и на нас, затем в глубине помещения вскочили и замерли ещё двое.

«Мои, с «Дуката», – понял я, с усилием подгоняя зрение со света на полумрак. По таверне прошёл рокот. Что ж, надо что-то делать.

– Томас Локк приветствует своих матросов и всех работников синей пашни! – негромко, но весомо произнёс я.

За столами завскакивали, раздались приветственные восклицания, кое-кто, шатаясь, полез ко мне с бутылкой и кружкой. Бэнсон качнулся вперёд, развёл руки в стороны, и после этого жеста народец прилепился к стене, а я прошёл дальше, туда, где уже видел, для нас проворно освобождали стол. Мы сели вдвоём. Трое в красных рубахах стояли рядом, без приглашения не садились. Появились на столе две чистые кружки, в них налили вина. Не обойдите матросского угощения, мистер Локк, – сказали рядом.

– Слава Богу, будем добры и здоровы, – ответил я, с благодарственным выражением лица поднимая кружку.

Но выпить ещё долго не мог, потому, что сначала мои матросы, а затем и все, кто был в таверне, потянулись стукнуться своими кружками с моей поднятой, а затем – так же уважительно – с кружкой Бэнсона.

– Вы пейте, мистер Локк, – снова произнёс тот же голос, – а покушать ещё не скоро будет.

– Хозяин таверны пришёл, так повар с ним ругается. За стеной, слышите?

– Кто же смеет ругаться с хозяином?

– Кто-кто, а Леонард посмеет. Бродяга, без документов, а повар отменный. Хозяин ухватился за него, заставляет работать лишь за еду да крышу над головой. Он ничего, работает, но когда хозяин заставляет его ловчить – умрёт, а на своём настаит.

– И правильно, – добавили ему, – Леонард нас всегда по человечески кормит, не ловчит и не подличает. Хозяин это считает разорительным, хотя с тех пор, как взял нового повара, – едоков здесь утроилось. А станут готовить так же скверно, как прежде – мы отсюда уйдём.

– Это – да! – горячо подхватил кто-то. – Солонины с червями мы в море накушались, так хоть на берегу брюхо побаловать!

Это я услышал уже за спиной, потому что встал и направился в поварской придел, и дальше – к темневшей в глубине его двери, из-за которой слышны были громкие голоса. Я уже поднял было руку, чтобы толкнуть дверь, но остановился и вслушался.

– Я потаж готовить не буду, – раскатывался твёрдый, басовитый голос.

– В море пойдёшь! В море пойдёшь! – визгливо, с ненавистью ответствовали ему. – В порту здесь всем скажу, что выгнал повара гадкого и нахального, здесь тебя к котлу никто не подпустит! Камбузным жеребцом пойдёшь плавать, сальной паклей!

– Потаж готовить не буду, – упрямо повторил бас.

Я опустил руку, вернулся. Подозвал одного из матросов, спросил:

– Что такое потаж?

– Свинячье пойло, мистер Том, – ответил он мне. – Берутся очистки, объедки, обглоданные кости, рыбы головы, всё это копится несколько дней, потом запускается в котёл и приготавливается суп. Вот он-то потажем и величается.

«Вот значит, как», – подумал я, а вслух сказал:

– Леонард этот действительно хороший повар?

– Такого здесь не было никогда, мистер Локк.

– Давно он здесь?

– Скоро полгода.

– Откуда он?

– Издалека, из-за Дуная. Наверное, дальше Франции.

– Да нет, – поправили его. – Из Запорожья он, с турками воевал. Что-то тянется за ним, вроде верёвочки вздёгнутой. Бежал вот аж до Англии.

Теперь я уже решительно прошёл к двери, распахнул её и шагнул внутрь. Мельком взглянул на хозяина. Неопрятный и рыхлый. Обычная портовая крыса. Обратился к высокому, крепкому парню моих, наверное, лет, с длинными, чёрными, свисающими усами и бритой налысо головой:

– Ты Леонард?

– Я – Леонард, – развернувшись, с достоинством ответил он и прибавил: – Сэр.

– Я – Томас Локк Лей, если тебе это что-нибудь говорит.

– Ничего не говорит, сэр.

– Ну до времени и нужды нет. Ты покорми нас, Леонард, в последний раз. Так, чтобы сытно и дорого. Двое нас, – добавил, выходя из затхлого помещения.

Через несколько минут он приблизился к нашему столу, притащив поднос с хорошими закусками. Взглянул на массивную фигуру Бэнсона, притащил ещё раз. Уставил стол. Сытно, обильно. По моей просьбе достал хорошего пива и принёс ещё одну кружку.

– Садись, – кивнул я ему на свободное место.

Он с достоинством сел. Открыто, по-мужски взял кусок ветчины, хлеб. Налил всем пива. Молча выпили, молча принялись жевать.

– Ты из какого народа, Леонард? – утолив первый голод, спросил я его.

– Запорожский казак, – неохотно, но честно сказал он.

– Английский откуда знаешь?

– Был коком на английском судне, два года.

– Поварскому делу где обучался?

– Нигде. От рождения желание и способность имею. Кашеварил в курене⁴, хотя и был весьма молод.

– Есть отчего бегать по свету?

– Есть. Офицера убил. До смерти.

– Было за что?

– Значит, было. – Лицо его сделалось вдруг недоброе.

– Ну и ладно. Ты не опасайся, мне говорить можно. А Леонард – ведь не совсем твоё имя? Мама-то тебя как звала?

– Левко.

Мы помолчали, занятые едой. Вдруг он спросил:

– А почему вы в последний раз кушаете?

– Не мы кушаем, Леонард. Это ты в последний раз здесь кормишь...

– Что это? Как это? – раздался вдруг визгливый, негодующий голос: хозяин подобрался к денежным гостям, да словечко услышал.

– Ты почему до сих пор не ушёл от этого господина? – не обращая внимания на хозяина, спросил я.

– Он мне деньги должен! – завопил человек. – Почти фунт! Он без документов, я его от полиции выручал! Пусть отрабатывает!

Леонард сник, опустил голову:

– Да, должен. Надо отработать...

– Нашёл бы хорошего купца, – послышался голос со стороны кучки матросов, – да и сел на корабль. Где бы он искал тебя с этим фунтом?

– Как это? – Леонард вскинул голову. – А совесть? Остаток жизни вором прожить?

– Так, хорошо, – я отодвинул от себя опустевшее блюдо. – Сбежать не можешь. Ну а принять помощь от доброго человека можешь?

Я достал и выложил на стол стоимость обеда и отдельно – ещё фунт.

– Вот уж не-ет! – снова влез хозяин. – Ваши деньги мне не нужны. Пока он должен – будет работать...

Бэнсон подцепил его локоть, подтянул к себе, сказал тихо:

– Тебя, думаешь, кто-то спрашивать станет?

Сгрёб монеты со стола, сунул их зануде в карман и легко оттолкнул.

⁴ Курень – военный отряд у казаков-москвитов.

– Да что же это! – зашипел тот, отскочив. – Полицию сюда! Где констебль?

Он было бросился к двери, но там его перехватили и шепнули что-то на ушко. Он встал, помотал головой, на дряблое лицо его полезла сладенькая улыбка.

– Где твои вещи? – спросил я Леонарда, вставая из-за стола.

– Кроме того, что на мне – ничего нет.

– Ну тем лучше. Идём.

Мы прошли мимо лучащегося счастьем хозяина, поспешно заворачивающего себя в широкий поварской фартук. Едва вышли за дверь, как он высунулся в окно и завопил на всю улицу:

– Эй, портовый люд, у кого голод, у кого жажда! Все сюда! У меня сегодня обедал Томас Локк, капитан «Дуката»!

– Вернёмся в гавань, – сказал я Бэнсону.

– «Дукат» – это что? – спросил Леонард. – Кажется, такая монета?

– Нет, это мой корабль. Новый, трёхмачтовый. Да сейчас придём – сам увидишь. Пойдёт с грузом в Индию и обратно. Порядки на нём – правильные. Матросов не бьют, потажем не кормят. Содержание человеческое. Одна беда – кока нет. Вернее, не было. Так что для нас обоих сегодня – счастливый день.

Леонард дёрнул себя за ус, потёр колючую голову, недоверчиво улыбнулся.

– Что касается камбузного хозяйства, – продолжил я. – Камбузов два. Большой, с двумя печами и, соответственно, двумя котлами – для команды. Маленький – офицерский. За ними – продовольственный склад. Всё камбузное оборудование и весь провиант – под началом одного лишь корабельного повара. Никто больше в эти помещения не входит. Да, и ещё – туда же выведен кран от баков с водой. А вот и «Дукат»! – воскликнул я, когда мы приблизились к краю пристани.

– Какой из них? – С детским почти любопытством, во все глаза Леонард рассматривал стоящие на рейде корабли.

– Вон от которого шлюпка отчаливает. Видишь? К нам идут.

– К нам? Откуда узнали-то?

– Марсовый всё время смотрит. Несомненно, нас ещё на подходе увидел.

– Неужели каждый раз так? И никакого сигнала подавать не нужно?

– Да, так каждый раз. У меня хорошая команда. Сейчас тебя отвезут на борт. Там есть мистер Стоун. Это мой капитан. Скажи, что ты кок, послан Томом. Он даст тебе ключи от склада и камбуза. Всё осмотри, подсчитай и сам делай закупки. Стоун даст тебе деньги. Но то, что закупают для матросов на другие корабли – ты не бери. Мне не нужно мясо за пенс, но с червями. Если решишь, что работы для тебя много и тебе нужен провиантмейстер или баталер – сам подбери человека.

Подошла шлюпка. Наш новый кок хотел было уже спрыгнуть, но вдруг повернулся к Бэнсону и очень серьёзно сказал:

– Ты до странного сильный человек. Такие встречаются редко.

После этого он спрыгнул, шлюпка отошла, развернулась.

– Я – Бэнсон, – сказал сверху Носорог.

– А я – Леонард.

Как будто эти два непростых человека пожали друг другу руки.

Рогатое чудище

Пришёл день, когда я вдруг почувствовал, что громадное колесо дел и забот достаточно раскручено и может какое-то время катиться без меня. Теперь можно было отправиться в некое памятное место, которое так звало и манило меня. Место, где в могучем, с толстыми стенами строении пылал багровый огонь, волнуемый и прекрасный. Где были бочка с рыжей водой, клещи, молоты, наковальня. Мечта вновь увидеть всё это тем более полно охватила меня, что устроилось последнее заботившее меня дельце.

Однажды вечером, войдя в дом, я не услышал за дверью салона привычного пчелиного гуда. Странно, но там стояла тишина. Как будто берсерки и гунны куда-то удалились, все разом. Я приоткрыл дверь. Нет, все здесь, и даже больше обычного! Молча мои матросы сидели и стояли в несколько кругов вокруг небольшой оттоманки, а на ней, поджав под себя одну ногу, сидел именователю острова Локк и что-то рассказывал голосом слабым, но ровным.

Шло время, я стоял вместе со всеми и внимательно слушал.

– Так заканчивается история Максрэтхауцеров⁵, таинственных и ужасных, – произнёс наконец Генри.

Разом разбив тишину, матросы стали восклицать и хлопать в ладоши, а я, протиснувшись к оттоманке, крепко обнял своего драгоценного любителя книг.

На следующий день мы собрались в комнатке с подоконником: Нох, назначенный мной казначеем и хранивший здесь все наши деловые и торговые бумаги, два прежние владельца её – я и Генри, и, конечно же, близнецы. Мальчишки с жаром рассказывали, сколько постоянных дворов и книжных лавок они оббегали в славном городе Бристоле, и как выволокли, наконец, из одного книжного чуланчика недоумевающего, худого и бледного Генри.

Им-то я и поручил встретиться с кузнецом и подготовить визит. Вскочив на лошадей, Эдд и Корвин умчались. Они отвезли сообщение, сколько будет гостей, а кузнец определил день и время. И мы поехали.

Кузня и вся небольшая усадьба его (с огромной – чтобы издалека было видно – подко-вой над воротами) находились шагах в ста от проезжего тракта, и он прошёл эти сто шагов и встречал нас, стоя прямо посреди большой дороги. Сверху, с седла своей лошади, я увидел сначала точку вдаль, а потом и неподвижную человеческую фигуру, и вот уже он сам. Стоит неподвижно, чуть расставив босые ноги на подстывшей осенней земле, заложив лопаты ладоней за кожаный опоясок фартука. Тот же тяжкий взгляд из-под диких кельтских бровей, опалённая вокруг борода, гранитная глыба груди. Он прошёл – к назначенному времени – эти сто шагов, выказав тем самым предельное, какое только возможно, уважение. Возраст мой позволял уже такие вещи понимать. Ярдов за двадцать я остановил лошадь, передал поводья Бэнсону и пошёл пешком.

Мы обнялись. Постояли молча, понимая, что нелёгкое братство наковальни и молота превращают год совместной работы в целую жизнь. Так же, не произнося слов, повернулись и пошли по узкому срединному накату колеи к дому и кузне. Шли, то и дело подбивая друг друга плечом, а за нашими спинами шагали тоже спешившиеся Бэнсон и Нох.

Ничего не изменилось на кузнечном дворе. Тот же скупой и выверенный порядок вещей. Всё отлаженное, надёжное, прочное. Вилы, коса, лопата – стоят у стены, вытянув вверх толстые гладкие черенки. Длинная кованная скоба с округлым рядом нанизанных на неё подков. Угольный ларь. Забор. Ворота. Посреди утоптанного до каменной твёрдости двора – та самая колода, спил ствола исполинского дуба. Пиво, окорок, соленья, зелень, сушёная рыба, ломти чёрного хлеба с втёртой в мякоть крупной сероватой солью, грибы, варёные яйца, различной

⁵ Подробно История Максрэтхауцеров будет изложена в шестой книге «Люди солнца»

толщины и цвета округлые цепи домашних колбас. Четыре бочонка вместо стульев. На одном из них – широкий, как лопата, недлинный окороковый нож. Тот самый. Ну что, старый знакомый. Здравствуй. Будет тебе сегодня над чем поработать.

Кузнец привязал лошадей, навесил им торбы с овсом, взял ковш, полил всем на руки воды из бочки и лишь после этого широким жестом махнул в сторону колоды. Чинно, не торопясь, расселись. Помолчали. Сидели, меняясь спокойными, вескими взглядами. Но вот кузнец перевёл взгляд на бочонок, глухо кашлянул, протянул руки. С шипением метнулось пиво в пузатые кружки. Вспухла и зашлёпала оземь белоснежная пена. Хорошее пиво, дорогое.

И вот разобрали кружки. Нох неосторожно сунул остренький нос в рассерженную пену, дёрнулся личиком в сторону и чихнул. Бэнсон расправил плечи и одним долгим движением заглотнул все две пинты. Не переводя дух, молодецки. Мы с кузнецом переглянулись, пряча улыбки: новички! Помедлили, склонившись, втянули сквозь пену по глотку – холодному, колю-чему, терпкому. Покатали во рту, осознавая крепость и вкус. И – разом, не торопясь, ровно до половины. Притаилось дыхание. Слёзка выступила. Хорошо!

Бэнсон потянулся было к колбасам, но я перехватил его руку и вложил в неё зубчик маринованного чеснока, хрусткий капустный солёный листок и картофелину – горячую, с солью. Он сложил всё это в рот, старательно разжевал – и вдруг расплылся в улыбке: как вкусно!

– Вот, а теперь уже – колбасу, – сказал я со знанием дела, – но лучше сначала окорок. Пока вкус не заглушён солёным и острым.

Двигались челюсти, кланялся нож, таял окорок. Сыпалась яичная скорлупа, пицала раздираемая капуста – крепкая, мокрая. Звонко лопались оболочки колбас. Душистым травяным запахом пропитывали пальцы солёные, по осенней поре, грибы. Точили смешанный аромат уксус и масло.

– Ну вот, мастер, – сказал я, когда пришла первая усталость. – Вот это, если идти по старшинству, человек по имени Нох.

Не осиливший ещё и половины кружки, но уже пьяненький старичок привстал, важно склонил голову с тремя клоками белых волос – два над ушами, один над теменем.

– Мы плыли вместе два года назад, – продолжил я, – потом вместе тонули, спасались, воевали, жгли уголь, ловили акул, пели и стреляли в пиратов. Теперь вместе торгуем. Он охотник, умелец по всяким капканам и ловушкам (кузнец уважительно кивнул) – смельчак, умница и мой казначей. Так. Ну а этот молчаливый громила – Бэнсон. Когда-то был толстым малоопытным матросом, потом изображал носорога и в него стреляли из детских луков. Потом он нырял со мной на дно океана и поднимал оттуда затопленные пушки – и с тех пор всё время рядом. Однажды в Индии, в порту, ночью мы попали в засаду. Нас было семеро заурядных работников моря. Противника – девять тренированных головорезов. Тогда Бэнсон, имея в руке лишь матросский сундучок, пробился сквозь их первый ряд и держал двоих фехтовальщиков семь или восемь минут, Бэн, покажи руку.

Носорог коротким движением выставил перед собой страшные шрамы. Кузнец изумлённо покачал головой, запустил пятерню в бороду. Сказал непонятно:

– Ладно, попробуем.

Не поясняя, что имелось в виду, наполнил всем кружки. Теперь пили уже не спеша, вприхлёб, отдавая законные почести грибам и колбасам.

Прошло полчаса. Опустели и эти кружки. Кузнец встал, навис над колодой, снова сказал непонятное «попробуем» и ушёл в дом. Из дома он вынес к нам большой треугольный футляр. «Морёный дуб» – определил я. – «Шпильки, клей, металлические уголки». Что в нём может лежать? По форме – как чехол для парадной адмиральской треуголки, но явно побольше.

Кузнец положил футляр на пустой бочонок, отщёлкнул замочки, откинул верх. Внутри лежало – я сначала не понял, что это такое – рогатое чудище. Длинное узкое тело, металлическое с деревом. На одном конце, поперёк – стальная дуга. Обуженные концы слегка оттянуты

назад и соединены витой стальной ниткой толщиной с подковочный гвоздь. Спереди из-под дуги торчала скоба, очень похожая на стремя. Сопредельное с чудищем внутреннее пространство чехла занято углублениями, в которых покоились, поблёскивая, многочисленные и самой причудливой формы накладки, надставки, натяжные ключи и прочая мудрёная оснастка.

Кузнец, напрягая руку, потянул, и чудище полезло из чехла. Миг – и нашим глазам явился мощный боевой арбалет. Даже в громадных руках кузнеца он оставался собой – крупным, тяжёлым зверем. Кузнец между тем достал из футляра и присоединил к арбалету плечевой упор, прицельную раму, шестигранный ключ с длинной, кованной в виде волны рукоятью. Ключ щёлкнул в гнезде, ладонь повела, вращая, рукоять, и медленно поползла тетива, оттягивая назад концы длинной дуги. Доползла, гудя от напряжения, к защёлке, прошла над ней и, утопив пружину, встала. Выскочила из своего гнезда защёлка, преградила стальной нити путь назад. Рычаг крутнулся обратно. Тетива легла и вдавилась в стопор. Кузнец, с шумом выдохнув, поднял взведённый арбалет и отставил его в сторону, а в воздухе в это время прокатился ветерок – слабый, едва ощутимый, но на своём пути он столкнулся с этой растянутой рамой, и до моих ушей вдруг долетело шмелиное басовитое гуденье. Мурашки побежали по коже, как только я представил чудовищность напряжения, затаившегося в арбалете.

Кузнец прошёл в дальний угол двора, поднял и поставил колонной четыре широкие деревянные плахи толщиной почти в фут каждая. Вернулся, поднял арбалет, положил в глубокий и узкий канал тяжёлый металлический болт. Именно болт, а не стрелу: толстый, короткий, с остриём впереди и тремя шёлковыми перьями сзади. Положил, вскинул арбалет, секунду помедлил и нажал на скобу. Зверь гукнул, дёрнулся, и одновременно с этим от дальнего края двора до нас долетел звук слитого в один тройного удара. Три ближние к нам плахи падали – но не вперёд, а в стороны, разваливаясь на две половины. Мы разом бросились к ним. Да, это впечатляет. Не всякий мушкет пробил бы пулей эти деревянные туши. А болт – вот он, торчит из четвёртой плахи, наполовину погрузившись в неё.

– Три пробивает всегда, – сообщил кузнец, – четвёртую – редко.

Он попробовал было вытащить болт, но тут же махнул рукой, отвернулся и стал устанавливать новые плахи взамен расколотых. Мы поняли, что событие на этом не заканчивается, и вернулись к столу.

– Попробуй-ка, Бэнсон, – проговорил кузнец, такую вот штуку.

Он повернул арбалет к земле, вдел носок ноги в скобу (да, всё-таки стремя), взялся, подложив кусок кожи, пальцами за тетиву, и потянул. Потянул, напрягся всем телом. Побагровело лицо. Задрожали бугры под кожей рук, скрипнули зубы... Тетива дошла до середины защёлки... Ахнул кузнец, уступил, отпустил руки вниз, за тетивой вслед. Поднял красное лицо, вздохнул, как всхлипнул.

– Владелец этого инструмента умер, – хрипло, не успев отдышаться, сказал он. – Мне оставил его на хранение. До известной поры. Попробуешь? – добавил он, обернувшись к Бэнсону.

Носорог подошёл, смущённо улыбаясь, потёр лоб ладонью, взял арбалет в руки. Кузнец сам повернул его к земле, помог вдеть носок ноги в «стремя», положил под тетиву клочок кожи. Бэнсон присел, выдохнул, потянул тетиву к себе... На середине защёлки замер... – и отпустил руки. Скрипнула, ослабевая, надменная тетива. Шумно выдохнул кузнец.

– А можно я, – проговорил вдруг Бэнсон, – ногу поменяю. Я левша, мне с левой стороны удобнее.

– Конечно попробуй, – кивнул кузнец. – Я ведь не знал, что тебе с левой ноги легче.

Бэнсон посерьёзней, переменил ногу. Присел, выдохнул. Взялся за тетиву – и одним плавным движением *вытянул* её за защёлку, так что она, мне показалось, даже взяла чуточку лишнего.

– А-а-а! – ликующе завопил пьяненький Нох. – О-о-о!

Кузнец, диковато улыбаясь, сел на бочонок. Бэнсон подошёл, протянул ему взведённый арбалет. Но кузнец не взял его, а, глядя в сторону, проговорил:

– За последние лет десять проезжали тут несколько сильных на вид людей. Никто из них натянуть тетиву руками не смог. А владелец оставил наказ – отдать арбалет тому, кто сможет. Теперь он твой.

Потом встал, вынул из футляра ещё один болт, протянул Бэнсону. Тот взял это болт, положил в жёлоб. Приник щекой к плечевому упору, замер и выстрелил. С треском расселись передние три плахи, покачнулась и медленно поникла треснувшая четвёртая.

– Надо же, – проговорил кузнец, – в самую середину положил. Признал тебя инструмент.

Он взял топор, сходил к плахам, принёс оба болта, подправил их острия напильником, бережно уложил в гнёзда футляра. Спросил Бэнсона:

– Тебе двадцать-то есть?

Тот кивнул.

– Какого народа?

– Шотландец.

(Я был горд за него.)

– Мальчишка-шотландец, – криво улыбнулся кузнец. – Пришёл и забрал. А я так привык к нему.

Посмотрел в сторону раскрытого футляра, вздохнул. Махнул рукой, повернулся к столу. Спросил:

– А сколько там ещё пива в бочонке?

Спросил, на мой взгляд, для того лишь, чтобы хоть что-то сказать. Потому что уж в пиве-то у нас недостатка не было.

Глава 2

Призраки псов

Да, страшные псы продолжали свой бег. Мерно вздымались и опадали призрачные тяжёлые лапы – невесомо и медленно. Очень медленно – по меркам нашего человеческого времени, но ужасная сила их была не в скорости, нет, а в том достаточно известном проявлении Судьбы, имя которому – неотвратимость. Я был обречён.

Упрямый мертвец

Умиравший теперь всё время был в сознании. Лишь ночью, да в некоторые часы дневного забытья слух и зрение уходили от него. Ни словом, ни жестом не выдавал он своего присутствия. Ему мучительно хотелось перевернуться, уменьшить злую боль в измученном теле, но он заставлял себя лежать неподвижно. Не открывая глаз, лежал и терпел. И внимательно слушал неопасливые разговоры.

Однажды ночью пришёл миг, когда он начал возвращать себе силы. Вечером он на слух довольно точно определил количество выпитого пиратами рома и, оценив силу и глубину носового посвиста и храпа, решился на маленький подвиг. Медленно-медленно он перетащил и положил левую ногу поверх правой и так же медленно вытянул через грудь левую руку. Потом одним долгим томительным движением перекатился на правый бок. Боль хлесткой волной пронеслась по всему телу, сдавила глаза, прощёлкнула по суставам. Человек обильно и вязко вспотел. Но сознание удержал, не провалился в давящую ватную муть и, стиснув зубы, завершил подвиг: спихнул ноги с лежанки, упёрся локтем и сел. Посидел, дрожа от напряжения, полминутки и перетащил себя обратно – лёг на спину, лицом вверх. Полежал, окатываясь потом, и вдруг медленно, широко улыбнулся. В мерцающем лунном ночном полумраке блеснул и истаял злобещий оскал.

Бык и Тонна тихо и мирно коротали время. А человек в одну из ночей встал и вышел из хижины. После маленькой трудной прогулки он лежал и снова, невидимый в темноте, улыбался. Днём же он по-прежнему не открывал глаз, медленно глотал вливаемые в него бульон и подслащённую воду.

Когда Бык и Тонна, прикончив запасы, отправились к Мадагаскарским торговцам на своей старенькой шлюпке, человек устроил себе праздник. Голый, костлявый, с косматыми, завшивевшими волосами и бородой, он спустился, дрожа от слабости, к подножию островка, сполз в тёплую морскую воду и блаженно вытянулся. Подняться наверх ему уже не хватило сил, и он заночевал здесь же, на берегу.

Ещё через неделю, когда друзья вновь убрались с острова, их пациент взялся за дело по настоящему. К тому времени он знал уже все их нехитрые тайны. Немного поработав лопатой и заступом, он выволок на свет и притащил к хижине два больших сундука. Сбив замки, он вывалил в общую кучу содержимое. Отбросив в сторону одежду и разные, более или менее ценные безделушки, он отделил оружие. Выбрал самый, на его взгляд, хорошо закалённый клинок и целый час оттачивал его на широком, тонкого зерна, бруске. После этого он отдыхал. Сидел, щурился на солнце, перетирал в пальцах отросшие косицы бороды, рассматривал вшей, копошащихся в их прядях. Отдохнув, он вынес из хижины горшок с остатками масла, густо намазал им лицо и голову. После этого доведённым до бритвенной остроты клинком он сбрил с себя все волосы. Вечером высек огня, собрал остатки еды и покушал.

Весь следующий день он гулял по лесочку, купался, валялся на горячем песке. Иногда, замерев и прижмурив глаза, он всматривался в какую-то одному ему видимую даль, грустно улыбался, трогал рукой свои круглые шрамы. Морской воздух, сухой и солёный, вкатывался в грудь, тёк по жилам, сушил и зализывал раны.

Через два дня, заметив появившуюся вдали точку шлюпки, он ещё раз побрился, вымылся горячей водой и натянул на себя самую лучшую и богатую, какая только нашлась в сундуках, одежду.

Поднявшиеся по тропинке друзья-пираты, не дойдя до хижины десятка шагов, остановились, поражённые, замерли. Смуглый, бритый, в роскошной одежде человек сидел у небольшого костерка и шевелил его кончиком шпаги. Он не успел произнести заготовленное при-

ветствие. У тех, кому он собирался сказать доброе словцо, привычка и сноровка взяли своё: сбросив с плеч на землю корзины, они выхватили ножи, раздались чуть в стороны, пригнулись.

– И всё-таки я приветствую вас, джентльмены, – спокойно проговорил человек. – Тебя, Оливер. Тебя, Матиуш. Подходите, присаживайтесь у огонька.

Подчиняясь его невидимой силе, разбойники сделали несколько шагов, затем, словно опомнившись, остановились, растерянно переглянулись. Матиуш расслабил руку; кончик ножа дрогнул и опустился. Оливер, наоборот, перехватил свой поудобнее, мягкими, отработанными в частых схватках шажками потёк вперёд.

– Глупец, – спокойно произнёс человек. – Ты видишь, что одежда на мне – из ваших сундуков? Ты помнишь, что там было кое-что ещё?

С этими словами он извлёк засунутый сзади за пояс пистолет и умелым, коротким движением направил его точно в середину широкой груди Оливера. Тот, словно споткнувшись, врос в землю, замер в каких-то трёх шагах.

– Вот и хорошо, – миролюбиво продолжил человек. – Подходите, присаживайтесь...

Бык растерянно оглянулся на товарища, поднял обмякшую руку, озадаченно почесал кончиком ножа волосы под шляпой, а человек отвёл от его груди ствол, качнул им приглашающе в сторону костра, и Оливер, поймав опытным взглядом этот жест, коротко, без замаха, от головы, сильным вращением туловища метнул свой тяжёлый и длинный нож. Но не он один знал толк в этом блескущем, скруглённом движении плеча. В ответ на почти не видимый взмах руки человек лёгким рывком сдёрнул в сторону своё туловище и голову – ровно настолько, чтобы нож, обдав ухо волной воздуха, мелькнул и звякнул о камень стены за спиной.

– Нравится тебе твоя шляпа, Оливер? – на секунду скривившись от боли в лопнувшей коже, стягивавшей едва заросшие шрамы, проговорил человек и, подняв руку, выстрелил.

Метнулся в лицо бросавшего плотный клуб дыма, но за миг до этого пуля сшибла с его головы самодельный меховой колпак с широкими мохнатыми полями. Бык побагровел, попятился, но через секунду повернулся к Тонне и заорал:

– Дай мне нож! Скорее, пока у него пистолет разряжен!

Он почти силой выхватил нож из руки товарища и вновь решительно и упрямо развернулся к противнику. Тот лишь покачал головой:

– Разве в сундуках был только один пистолет?

Новый ствол был уже оснащён взведённым курком и, как в первый раз, смотрел точно в грудь.

– Только что ты пытался убить меня, а я сохранил тебе жизнь, – без злости, негромко, но с какой-то смутительной силой в голосе проговорил странный человек. – Мы были бы квиты: когда-то ты спас мою жизнь у Чагоса, а я только что не взял твою. Но ты снова нападаешь, и это уже не входит в счёт. Поэтому сейчас я тебя убью. Что ты так побледнел? Смерть – это пустяк. Не предавайся волнению чрезмерно, в ушах зазвенит. А мне нужно, чтобы ты дослушал. Убью тебя сейчас, если ты не встанешь на колени и не дашь слово весь остаток своей жизни подчиняться мне и слушаться всегда и во всём. Клятва мне не нужна. Одно лишь твоё слово, этого будет достаточно. Вот так всё просто. Выбирай...

И человек переступил, развернул плечи в линию, поправил руку. Палец придавил скобу.

– Считать до трёх я не буду. Решай мгновенно.

Скоба сдвинулась с места.

– Э-эх, дьявол, – простонал Бык и ткнулся коленями в землю. – Даю слово, – торопливо проговорил он, – до конца моих дней подчиняться тебе, кто бы ты ни был...

– Стив моё имя, – сказал человек и кивнул Тонне: – Ты тоже.

Тонна тяжело опустился рядом с товарищем и повторил только что сказанное им. Стив подошёл, шпагой с закопчённым остриём коснулся плеча каждого и очень серьёзно сказал:

– Будь я король, вы сейчас посвящены были бы в рыцари. Но я всего лишь капитан, хотя и довольно живучий. Так что вы пока не рыцари, а моя личная армия. Встаньте и идите к костру.

Он повернулся к пиратам спиной, прошёл на своё место. Те, как во сне, медленно встали, подтащили к костру разбитые безнадёжно корзины. Устроились напротив, сидели, подавленно молчали.

– Откуда ты взялся здесь, капитан? – не выдержал Тонна. – Не по воде же пришёл?

– Конечно нет, – ответил Стив, подцепляя на кончик шпаги кусок выпавшего из корзины акульего мяса. – Я так думаю, что это вы привезли меня сюда.

– Мы-ы?!

– Ну да. Привезли, лечили, если только это можно назвать лечением, строили на мой счёт свои планы. Это же я валялся здесь, в хижине, столько дней и ночей.

Друзья переглянулись. Тонна медленно встал, заглянул в хижину.

– Его здесь нет, – взволнованно сказал он, повернувшись к Быку. – Пусто!

– То есть – меня нет, – уточнил Стив. – Да вы, я вижу, до сих пор ничего не поняли. Я просто умылся, побрился и переоделся. Ну и выздоровел, конечно. Может быть, мало теперь похож на вашего пленника, но всё-таки он – это я.

Стив обнажил грудь и показал пиратам свои пулевые шрамы.

– Вы тоже изменитесь, – пообещал он, садясь. – Вымоетесь, срежете с себя волосы – довольно блох кормить, выпарите одежду. Хижину пора вымыть и вычистить. Чтобы порядок был, понимаете? Вот так, а потом отправимся в путь.

– Куда это? – осторожненько спросил Тонна.

– Да, куда? – подхватил вопрос Оливер.

– Ну как же? – деланно удивился новоявленный капитан. – Ведь ты, Оливер, мечтал о сундуке с золотыми монетами? Вот за ним и отправимся.

– Ку-у-да? – заворожённо протянул Тонна.

– Куда поведёт нас маленький песчаный крабик. – Стив грустно улыбнулся, поднял к лицу руку со львом, добавил: – Знал бы, выжег бы краба вместо тебя.

Лев молча погрозил ему лапой с зажатым в ней нечётким, синевато-серым кинжалом.

Маленький евнух

На Багдад опускался вечер. Стало синим и тёмным небо. И не только оно, а ещё и внешние стены дворца, цветные стёклышки в узких стрельчатых окнах, ковры, перекинутые через гребни дувалов, деревья, люди, тихие голоса – всё стало тёмным, и синим, и призрачным.

В привычный назначенный час явился Ашотик к спальне Хумима-паши и замер на своём обычном месте – низенький, толстый, ручки на животе, голова на мягкой белой шее вытянута вперёд и готова послать повелителю угодливый, трепетный взгляд. Вот только некому посылать взгляда. Целый час стоит Ашотик в длинном и узком коридоре, отделяющем спальню паши от большого приёмного зала, а повелителя всё нет. Какие дела держат его так долго? Что за тайны вершатся сейчас в заветном, с овальным потолком, кабинете? Железной занозой сидит в груди евнуха злая, досадливая боль – почему он сейчас не в своём бесценном местечке, в полуротонде, за коврами, у слухового окна!

А вечер, ах какой складывается странный. Что-то будет. Забыл повелитель про своих жён, не расспрашивает кизляра – кто сегодня всех милее в гареме, кого удостоить сладким часом. Нет повелителя! Чем таким занят? Время, время идёт... Вот уже зашевелилась рядом с несчастным евнухом ночная стража, или янычары крови, жуткая и прекрасная выдумка Хумима-паши. Дело давнее – как-то сумел вали развести янычар надвое, обособить. В одну сторону – старых, опытных, бывавших в боях, в другую – молодых, менее умелых, но более многочисленных. То эсамы – янычарские билеты для получения жалованья – в разные сроки выдаст, то само жалованье сделает неровным. Всё, конечно, быстро поправлялось, но зависть и недовольство у янычар выросли и окрепли. Теперь эту взаимную неприязнь, этого тихого зверя паша приручил и сделал гарантией безопасности своего ночного сна. Просто и мудро: ночная стража набирается из двенадцати человек. Шестеро – молодых, шестеро – старых. Выстраиваются друг против друга вдоль стен коридора, между ними опускается ажурная кованая решётка. Это сигнал: янычары вынимают ятаганы и впиваются взглядом в стоящего напротив, каждый в своего. Теперь они враги. Теперь каждый может нанести внезапный удар сквозь решётку. Если противник собран и напряжён – он легко отразит удар (всё-таки выпад сквозь металлическое кружево – это не удар в открытую грудь.) Но если несчастный задремал или чуточку оцепенел, стоя с открытыми глазами, то удар он пропустит. Тогда его кровь – смертный приговор ему и его товарищам по страже, всем шестерым. Одновременно это солидная денежная премия их противникам. Так они и стоят – три смены по три часа, и выходят после этого, шатаясь от усталости, с серыми, измученными лицами. Но зато кто из живых на земле сможет пройти сквозь таким вот образом неспящих стражей! Спокойно поживает Хумим-паша ночью, тихо и сладко.

А! Вот он, вот! Растворились двери (подобрались и крепче сжали рукояти ятаганов уже разделённые решёткой янычары), и на пороге показались Хумим-паша и человек с закрытым лицом. Ашотик едва не застонал. Он знал, кто этот человек. Сборщик базарных слухов и сплетен. О чём шла речь между ними? Никогда уже не подслушать...

– А, это ты! – весело произнёс Хумим-паша, увидев своего кизляр-агаса. – Ну-ка, верхнее “ля”, – приказал он.

Вот что отличает Ашотика от ему подобных во дворце. Любой другой на его месте помедлил бы секундочку, пока до него доходил бы смысл слов, обращённых к нему, и ещё секундочку – собираясь и приготавливаясь. Но не рыжий евнух, нет. Не успел ещё великий вали договорить слово “верхнее”, а Ашотик уже был готов, ждал только, какую именно ноту назовёт повелитель. И, услышав ещё лишь начальное “ль...”, не дожидаясь завершающего “...я-а”, он резко вдохнул и запел. Хумим-паша ещё только договаривал это «...я-а», а он уже пел. Но пел не “ля” верхней октавы, нет. В частоте этого “ля” он тянул совершенно другой звук:

– У-у-у-у...

Тоненько-тоненько, чисто-чисто. И затем, в этом же тоне, новый звук:

– И-и-и-и...

Крохотная пауза, и он вновь пропел их, сложив в одно словцо:

– Ху-у-ми-и-м...

Негромко, нежно, задумчиво.

Прокатился звук голоса, стих, и зазвенела сама тишина. Замерли очарованные янычары. Сладко зажмурился Хумим-паша. Доволен! А кизляр метнул цепкий взгляд на визиря. (Увидеть бы твоё лицо!)

Истаяла пауза. Зашевелился вали, стряхивая с себя оцепенение. Осторожно выдохнули янычары.

– Может быть, посадить тебя на кол? – мечтательно спросил Ашотика Хумим-паша.

– Будет больно, о великий, – сообщил, как будто некую новость, посерьёзневший евнух.

– Так что же, – невозмутимо отвечив вали. – Помучаешься немного, потом умрёшь – и всё кончится. Зато я буду уверен, что ни у кого на свете такого евнуха больше нет...

И опять ни мгновения не медлил кизляр. Неуловимым движением дёрнул он шёлковый шнурок на поясе, и широкие, синие, атласные шаровары упали к его ногам, накрыв красное золото туфель и обнажив живот со шрамом, с уродством.

– Я готов, повелитель, – покорно произнёс грустный евнух, а Хумим-паша засмеялся. Так засмеялся, что каждому стало ясно – пока жив великий вали, ни один волос не упадёт с головы толстенького рыжего евнуха.

– Сегодня мы не войдём к нашим жёнам, – сказал, отсмеявшись, паша. – А завтра води сразу, в назначенный час. Кто всех милее сегодня?

– Зарина, – чуточку выждав, сообщил евнух.

– Какая она? – спросил, припоминая, с интересом вали.

– Большая, ленивая, белая, – принялся перечислять кизляр. Он помнил, как днём обошёл с Зариной, и хотел возместить её переживания. Отчасти здесь был и расчёт: гарем должен знать, что он справедлив. – Волосы медного цвета, тяжёлые. – И, видя, что вали стоит, задумавшись, прибавил: – Есть и недостаток.

– Какой? – ожил Хумим-паша.

– Когда обидишь – отъявленно, дико ругается, – сделав страшное лицо, таинственно поведал хитрец.

Хумим-паша снова засмеялся.

– Мы разрешаем. Пусть завтра придёт Зарина. Мы будем её обижать!

Он знакомым движением мизинца отпустил кизляра, и Ашотик, натянув шаровары, собрался было прошесть мимо ночной стражи, но вали бросил вдруг ему вслед:

– Да, маленький друг, заведи к себе в гарем наш любимый кальян. Мы подозреваем, что его собираются похитить. И держи его там дня четыре.

Ашотик быстро повернулся, склонился в низком поклоне, очень низком, чтобы не увидел вали, как побледнели его красные щёчки. Багдадский вор, даже если половина из того, что о нём рассказывают, – правда, может проходить через стены. Страшное поручение, страшное.

Пришёл Ашотик в гарем, подозвал громадного, вдвое выше себя, чёрного евнуха-африканца, отправил за тяжёлым кальяном. Ничего, как-нибудь обойдётся. Не проходит же, в самом деле, багдадский вор сквозь стены! А уж иным способом ему в каменный придел гарема не проникнуть. Проскользнуть мимо Али – всё равно что пройти к паше сквозь его кровную стражу. Не беда! Четыре дня уж как-нибудь кальян можно сберечь, да и плутовская мыслишка мелькнула: развалиться ночью на подушках, да покурить, как паша, лениво поднося ко рту бесценный, с сапфирами, золотой длинный мундштук...

Успокоил себя Ашотик, отдал вечерние распоряжения чёрным евнухам, похлопал многозначительно Зарину по нежной щёчке (притих, зашептался гарем) и поспешил в тайное место, в нишу, за ковры. Даже кушать не стал!

И правильно. Послышался в кабинете звук прикрываемой плотно двери, и знакомый каркающий голос произнёс:

– О, великий...

Это же Аббас-ага!

– О, как вовремя поспешили мы сюда! – подражая паше, едва слышно прошептал Ашотик. – О, что-то будет!

– Мы откроем тайну тебе, о достойный Аббас-ага, – раздался голос вали. (Застыл, зажмурился евнух за своими коврами.) – Слушай. Эти два северных мальчика – не просто живой талисман. Это наша судьба на отмеренный нам Аллахом остаток жизни. Выслушай тайну, Аббас-ага, и проникнись трепетом, как будто не звуки слов раздаются здесь, а шаги самой вечности. Вот карта. (Шорох ткани и звон колец: отдёрнута штора на стене.) Вот наш Багдадский пашалык⁶. Он похож на скарабея⁷, брошенного в муравейник. С одной стороны досаждают курды, которые никак не хотят понять, что они завоёваны, и должны либо смириться, либо умереть. Нет. Не хотят. То один, то другой ханы и беки поднимают местные племена на войну с Османской империей, Великой Портой. А вот другая сторона – проклятый Иран. Не может признать утрату Иракских земель и кусает нас зло и упрямо, особенно за эти вот два города – Неджеф и Кибелу. Они, как говорят, священные города у шиитов. Наш предшественник Хасан-паша пробовал всё: рубил их саблём, рождался с арабскими шейхами, раздавал чины и подарки, разжигал усобицы. И что он имел в результате? Вечные восстания племён, особенно мунтафиков. Мы бы отдали шиитам эти бедные, маленькие Неджеф и Кибелу, пусть подавятся, но что скажет султан?

Теперь, наконец, о султани. Мы исполнены надеждой, мы мечтаем, что он выполнит нашу просьбу: переведёт нас из беспокойного Багдадского пашалыка в другое место. Тихое, уютное и безмятежное. Приготовься, Аббас-ага, услышать тайну из тайн дум моих. Таким местом мы считаем Хиджаз. Великая Порта относится к этому пашалыку иначе, чем ко всем остальным завоёванным провинциям. Хиджаз не платит дани в казну. Напротив, паши Египта и Сирии обязаны отправлять туда дары для знати и духовенства. Они обязаны так же ссужать деньгами вождей хиджазских племён, через земли которых проходят пути паломников. А всё дело в том, что на территории Хиджаза находятся священные города ислама – Мекка и Медина. Господство над ними Османской империи – лишь для вида. Но это назывательное господство как бы даёт ей право на духовную власть над всеми правоверными мусульманами.

Да, наместник султана не имеет там силы. Он лишь его представитель при шерифе Хиджаза. Но зачем нам власть здесь, в Багдаде, думаем мы, если днём мы вынуждены подавлять чьё-либо восстание, а ночью гадать, как предотвратить новое! С Багдадской провинции мы собрали уже столько денег, что не истратить и за четыре жизни. Самое время вспылать страстью к религии и просить султана перевести нас в Хиджаз. Там нет реальной власти, но там спокойно. Не нужно отвечать за нежелание арабов и курдов быть рабами Великой Порты. Не придётся каждый день примерять шею к топору стамбульского палача. Трать денежки, ешь, спи, улыбайся в ответ на угодливые улыбки мекканского духовенства. А какими райскими цветами распускаются там ярмарки в сезон хаджа⁸! Как хорошо ездить по ним на лучшем в Хиджазе коне, сыпать золото, ловить восхищённые взгляды, покупать рабов и невольниц!

⁶ Пашалык – область.

⁷ Скарабей – большой жук.

⁸ Хадж – паломничество.

И вот здесь, почтенный Аббас-ага, мы разрешаем тебе задать нам вопрос. Догадайся, какого вопроса мы ожидаем.

– Да проститься мне моя дерзость, о великий, – послышалось хриплое почтительное карканье, – но я думаю, что вопрос здесь может быть только один: как султан назначит вашу милость наместником Хиджаза, если там уже есть наместник?

– Ты очень мудр, наш верный Аббас-ага. И мы думаем, что тот, кто может правильно поставить вопрос, сможет надёжно его и решить. Наместник Хиджаза в нужный момент должен, немного похворав, отправиться к Аллаху. Мы сообщим тебе, когда этот момент настанет. Но это в будущем. А пока – есть ещё один вопрос. Как сделать так, чтобы султан назначил наместником именно нас?

– Деньги могут многое, о великий.

– Правильно. Чтобы стать наместником Молдавии или Валахии, нужно пять или шесть миллионов пиастров. Хиджаз – не столь, на первый взгляд лакомый кусок. Он обойдётся миллион в два-три. Деньги есть, но как их донести до султана, чтобы не остаться и без денег, и без головы?

– Не знаю, о великий, да проститься мне...

– Разумеется, ты не знаешь, – перебил его Хумим-паша. – Мы расскажем тебе. Сделать нужно малое. Нужно похитить и привезти сюда, в Багдад, этих близнецов. Затем старательно умножить легенды и слухи, уже окружившие их. Когда эти легенды дойдут до Стамбула, мы подарим близнецов матери султана, самой валидэ-султан. И вместе с тем передадим ей деньги для её сына и скромную просьбу – назначить нас наместником в осиротевший Хиджаз.

– Мудрость ваша несравненна, о великий!

– Несравненны и твои янычары, почтенный Аббас-ага. Они, конечно же, смогут привезти нам близнецов. И тогда все они отправятся с нами в спокойное, сытое, тихое место. А если не смогут – тоже отправятся: на первый же курдский или арабский мятеж.

– Мы привезём их, о великий, клянусь Аллахом! Я никому не поручу этого дела. Я сам отправлюсь в Бристоль...

На другом конце слуховника Ашотик откачнулся от стены, вытер липкий пот. Уехать из Багдада? В Хиджаз, где неизвестные, ненадёжные, неподкупленные им люди? Оставить дворец Аббасидов с найденными в нём четырьмя тайнами и собственной маленькой сокровищницей? Как бы не так, почтенный Аббас-ага. Где он, где – флакон с ядом, что привёз купец из Магриба? О, он у нас есть...

Однако Аббас-ага отправился в путь. Не успел остановить его Ашотик, оглушённый внезапной и страшной бедой. Обнаружилось утром, что мундштук от кальяна исчез. Исчез! Яд-то теперь очень полезно приберечь для себя. А может быть, сразу и выпить, а не мучиться в ожидании страшной смерти.

Оборотни

Лето 1766 года, окрестности Люгра

Всадники недалеко отъехали от города. Они не спешили, словно не толкал их в спины ужас содеянного. Спокойно и мерно шагали непонукаемые лошади. Трудно сказать, что чувствовали и о чём думали монах с его страшной стражей. Они молчали. Но какой-то таинственной, невидимой ниточкой они были соединены друг с другом, и когда впереди, на границе леса и поля, сверкнула гладь маленькой речки, все четверо разом, даже не переглянувшись, свернули с дороги.

Сомкнулись над головами ветви деревьев, остались за спинами белесая, пыльная дорога, дрожащие в небе жаворонки, солнечный зной.

– Переждём жару, – сказал, ссаживаясь с лошади, монах.

– А рыбку половим? – вскинулся и заблестел синий, как речная вода, девичий радостный взгляд.

– Тебе, Адония, конечно, не столько рыбки хочется, сколько голышом поплавать, – добродушно уличил девочку монах.

– Это правда, патер, – с тихой радостью произнесла она. – Но и рыбка тоже будет, угостим вас горячей ухой. Если только Филипп неводок не забыл, – добавила она зловещим, с подвыванием, голосом, и повернулась к рыцарю, припустив строгости во взгляд.

– Филипп не забыл, – не смог не улыбнуться рыцарь, снимая со своего жеребца объёмные седельные сумы.

– Маленький! Скидай одежду! – азартно крикнула девочка.

– Коней сначала искупайте, – наставительно указал Филипп. – Да отведите по течению вниз, если здесь ловить собирается.

Подростки увели горячих, тянущихся к воде лошадей. Монах, так и не откинувший капюшона, присел на большой круглый камень у самой воды. Рыцарь принёс и принялся разворачивать рядом недлинный мелкоячеистый невод.

– Что тревожит вас, патер? – негромко спросил он, в очередной раз взглянув на замершие в старческих пальцах чёрные чётки.

Монах повёл на его голос острым клином капюшона, прерывисто вздохнул.

– С Адонией на этот раз нужно быстрее, – непонятно проговорил он озабоченным голосом.

Непонятно, но рыцарь понял. Он кивнул и уверенно ответил:

– Сделаем быстро, как только возможно. – И, немного помолчав, добавил: – Барон болен? Может умереть?

– Это было бы не так страшно. Разве он единственный у Адонии барон? Их целая очередь в списке. Беспокоит другое.

Монах помолчал, как бы взвешивая слово, и проговорил:

– Регент.

– Цын? – искренне удивился Филипп. – Этот соловей-попрыгунчик? Смел и нахален, да. Но, по-моему, бестолков безнадёжно.

– Он и не заботил бы меня, – задумчиво поведал монах, – нисколько. Но с ним ушёл Глюзий. Единственный у меня боец, что не хуже тебя. А в чём-то даже и посильнее. Ты – бывший палач, потому от крови не бегаешь. Он же кровь любит по рождению своему, по странной причудливой прихоти. Глюзий, да ещё незаметный пролаза Вьюн – ох, как нужны они мне сейчас.

– Будет охота на крупного зверя, патер? – жадно блеснул глазом рыцарь и даже невод опустил.

– Сейчас скажу, – кивнул капюшоном монах и помолчал, искал словечко. Наконец, с трудом выдавил: – Охота уже идёт.

Рыцарь изумлённо застыл, а монах продолжил, как ни в чём не бывало:

– Ещё мало что известно, Филипп, но из малого сего выходит, что зверь этот – я.

– То есть – мы? – после паузы, после короткого раздумья произнёс рыцарь.

– Как легко говорить с умным человеком, – под капюшоном у монаха угадалась улыбка. – Не то что с Регентом.

– Это приятно слышать, – ответил озадаченный рыцарь, – но, патер, возможно ли то, что вы говорите? Охота идёт *на нас*?

– Скажи, сколько раз оказывалось правдой моё предчувствие? – вопросом на вопрос ответил монах.

– Всегда, – твёрдо сказал Филипп. – Неизменно.

– Так вот и теперь, пересекая старые следы свои, я почувствовал, что как бы наложился на них чужой и пугающий запах.

– Отряд? – быстро спросил подобранный и окинувший лес колким пронзительным взглядом Филипп.

– Нет, – покачал капюшоном монах. – Не отряд. Одиночка.

– Ну, это не страшно, – помягчел голос у рыцаря. Он незаметно убрал из-под одежды руку, ощупывавшую рукоятки коротких ножей.

– Этого тебе не понять. Не потому, что не по разуму, а просто опыта нужного не имеешь. Одиночка – страшней во сто крат.

– Да, непонятно. Растолкуйте, патер.

– Если идёт по следу – значит, знает, за кем. А если знает, и всё-таки идёт – то, очевидно, странную силу имеет. Но все эти обнаруженные мной на старых местах моих и насторожившие меня слова и события я отнёс бы в список случайностей. Если бы не Регент. Его последние действия очень похожи на бегство.

– Но ведь если бы увидел опасность, то уж сообщить-то сумел бы?

– Надо знать Регента. Очень самолюбив, очень. Не сообщил бы ни мне, ни товарищам. Начал бы петлять, на себя лишь надеясь. Да вот он и не сообщил, потому и призрак спокойствия качался в воздухе так долго. Непозволительно долго. Сейчас Цын и погоня за ним, если только она за ним потянулась, ушли от Дании и от Португалии на юг, к Африке. И если только Регент не перестал терять людей (изумлённо вскинулся взгляд рыцаря; “именно, именно” – ответил ему кивок капюшона), – то от Магриба он бросится в Карибское море, в Новый Свет.

– В Америку?

– Там сейчас легче всего затеряться. Послал я туда смотрящих людей, и если только присутствие там Регента обнаружится, то всё предполагаемое мной – правда. Тогда надо будет на несколько лет уходить в подземелье.

– А если он станет прятаться не в Новом Свете, а где-нибудь ещё?

– Где же ещё – после потери троих людей, и каких людей! Не в Индии же, где любой европеец – как стекляшка под солнцем. Нет, это было бы слишком глупо.

Помолчали. Филипп шевелил невод, монах перебрасывал чётки. Послышались фыркание лошадей и весёлые негромкие голоса.

– Идут птенцы, – пробормотал монах. – Репей с можжевельником.

Показались, прошуршав ветвями, Малыш и Адония, в мокрой совершенно одежде и с мокрыми волосами.

– Напоили и вымыли, – блеснув зубами, широко улыбнулась девочка.

– Коней или себя? – рассмеялся, взглянув на них, рыцарь.

– Она первая толкнула, – быстро заявил Маленький.

– Ладно вам, дело не ждёт, – не дал рыцарь завестись спору. – Невод готов, рыба не даёт покоя, всё время про вас спрашивает.

Слова больше произнести не успели, а Адония, стащив с себя и разметав в стороны одежду и снаряжение, подхватила край невода и бросилась через речушку. Вспыхнуло и засверкало перед спутниками юное, выпуклое, медовое тело. Рыцарь с усилием отвёл глаза, негромко сказал монаху:

– Сколько смотрю – никак не могу привыкнуть...

– Неописуемо хороша, – так же тихо согласился с ним монах. – Лицо, правда, несколько простовато, но то и ценно. Чистое, правильное – и незаметное. Вот только эта синь в глазах...

– Да, но когда без одежды – лицо теряет значение совершенно, – вздохнул, отворачиваясь от реки, рыцарь. Усмехнулся многозначительно: – Бедный барон!

И, продолжая бормотать – “барон, барончишко, барончик”, – сбросил одежду, оставив на себе лишь пояс с ножами. Потом ушёл вверх по реке, вытянул из чаши громадных размеров сук и медленно стал возвращаться, что было сил колотя им по воде. Он далеко ещё не дошёл до невода, а вспугнутая им рыба уже ударила в ячею. Подростки, почувствовав несколько весомых толчков, принялись стремительно заворачивать невод в кошель, с недетской сноровкой и силой.

– Есть, есть! – радостно засмеялись они, выползая на берег и подтаскивая за собой перепутанный, с донным илом мокрый ячеистый ком. Малыш и Рыцарь, растягивая края сети, занялись бьющимся в ней живым серебром. Адония же, смыв со ступней песок, натянула свои длинные, мягкие, коричневые сапоги и, имея на себе из одежды эти лишь сапоги, с ремешками, со шпорами, принялась плясать на прибрежной гальке, раскинув руки, кружась, подняв к солнцу лицо. Она создала себе ритм из лёгкой какой-то песенки без слов и кружилась, переменяя такты песенки хрипловатым, вскрикивающим смехом, нарочно расширяя глаза и лоя ими, широко открытыми, при каждом повороте, бьющее в них солнце. Наконец, кружение свалило её. Она пала на четвереньки и минутку стояла, всматриваясь в расплывающиеся перед ней камешки. Восстановив способность к равновесию, она поднялась, всё ещё чуть покачиваясь, подошла к монаху, села на песок рядом с его камнем.

– Можно спросить, патер? – сказала почему-то охрипшим вдруг голосом.

– Спроси, дочь моя, – кивнул капюшоном монах.

– Я взрослая, патер? – часто дыша, продолжила она. И добавила, как бы напоминая: – Мне зимой уже было семнадцать.

– Понимаю, о чём ты, – снова кивнул монах.

– Да, патер, – быстро заговорила девочка. – Тайна настоящей взрослой жизни зовёт и манит меня. Когда я смотрю на Филиппа, – она бросила короткий указующий взгляд на мощный торс обнажённого рыцаря, – меня жжёт и кусает вот здесь: раскрытые ладони легли и прижались к сильному, плоскому животу. – Ведь я всё уже знаю. Книги в нашей библиотеке просветили меня. Вот, я – женщина, а есть ещё мужчины. И они не такие. Я вижу, что есть Филипп, и мне хочется схватить его и наполнить им глаза и ладони. Я могу сказать, что мне хотелось этого уже два года назад, когда я только начала эти танцы с мужьями. Ведь вы понимаете меня, патер?

– Не просто понимаю, Адония. Я давно уже об этом думаю. Думаю и жду, когда ты сама об этом заговоришь. Вот послушай. Я чувствую, что в ближайший год мы встретим необычного человека. Молодого, прекрасного. Сильного. И мы должны будем привязать к себе этого человека, ведь твой избранник должен быть одним из нас. Но сильного, отмеченного звездой мужчину приручить очень трудно. Хороший зверь обыкновенно бывает неукротим. Мы умело подведём тебя к нему, так, чтобы он всего лишь тебя увидел. И ты откроешь свою первую, свою сладкую охоту. Его факт твоего целомудрия изумит и привяжет. Очень прочно привяжет.

Поверь мне, так было всегда. В некоторых вещах мужчины этого мира до смешного слабы. Думай всё время о нём, дочь моя, воображай его пред собой, рассматривай.

– И чем больше я буду о нём думать, тем скорее он придёт?

– Именно так, дочь моя.

– Так что же, люди могут желанием, мыслью создавать себе будущее? Это тоже закон?

– Один из законов. Часть обычной жизненной магии, которой пользуются лишь очень немногие, и то чаще всего вслепую...

Их перебили. Донёлся голос:

– Не посмотрите ли рыбку, патер? Какая глянется вам для ухи?

Монах спустил пыльные, в грубых сандалиях, ноги с камня, на котором сидел, встал, ободряюще прикоснулся рукой к мокрым, спутанным девичьим волосам, пошёл к сети с уловом.

Через десять минут на камнях уже горел бездымный, на сухих дровах, костёр; шипел над ним, испаряя капли с закопчённых боков, котелок. Несколько жирных рыбьих кусков опустили в него, остальную рыбу засолили, чтобы через час повесить на солнышке – вялить.

– Соль закончилась, – покачал головой Филипп.

– А я проскачу в Люгр? – охотно вскинулся Маленький. – Обернусь – уха ещё не остынет. А, патер? Зелень вот привяла, так на рынке прикуплю свежей. Да и гляну со стороны, как там у трактира дела.

Патер кивнул. Мальчик быстро оделся, взнуздал отдохнувшую лошадь, вывел её на дорогу и взялся в галоп. Поднялась и длинным хвостом потянулась за ним в сторону Люгра седая дорожная пыль.

Глава 3

Разрубленный панцирь

“Дукат” был полностью готов к торговому рейсу. В который раз проверили все крепления от килея до клотика, баки для воды, балласт, крюйт-камеру, трюмы. Были готовы также “Африка” и новый корабль Давида “Форт”. Задерживал отправление лишь Оллиройс, крепивший на “Дукате” какую-то купленную им пушечную причуду. Негодяй не сказал, что непредставимо много денег истратил на эту прихоть, пользуясь тем, что я велел Ноху средства на вооружение отпускать без ограничений.

Но дело шло к завершению. Были получены в адмиралтействе судовые бумаги, выправлены навигационные карты, проверены компасы. Корабли стояли в гавани, готовые к походу в Мадрас. Вот тут-то и настиг меня первый бешеный пёс.

Сломанный кинжал

День был – среда. Мы с Бэнсоном приехали в порт. На корабль не пошли (не было времени, уже вечерело), а вызвали на берег Энди Стоуна.

Мы вошли в ближайшую от причала маленькую таверну, сели за столик и повели неторопливый, обстоятельный разговор. Какие продукты заготовил Леонард, вся ли команда взята на борт, и особенно – какая с утра ожидается погода: назавтра было назначено отплытие. Это понятно. В пятницу начинать плавание нельзя, даже сумасшедший не выберет этот день для начала похода. Ждать до субботы – два дня потерять. Так что в четверг, завтра.

Мы едва обратили внимание на высокого, в новенькой форме полицейского, зашедшего в таверну пропустить стаканчик рома по причине заметного уже осеннего холода. Притихшие было с его появлением немногочисленные матросы через минуту снова горланили и пили, как ни в чём не бывало. Полицейский выпил ром и двинулся к выходу. Но, проходя мимо нашего столика, он вдруг незаметно уронил на него свёрнутый в толстый квадратик лист бумаги. Мои спутники примолкли. Я взял лист, развернул и прочёл вполголоса:

“Мистер Локк, немедленно уходите отсюда. Вам и вашей семье угрожает опасность. Если я буду стоять на углу – незаметно идите за мной, я передам вам один документ. Если меня там не будет – позаботьтесь о себе сами”.

И стоял ещё небольшой постскриптум: “Я не богат”.

– Бэн, сколько у нас денег с собой? – быстро спросил я.

– Достаточно, – ответил он, поправляя свой кожаный щит с пистолетами.

– Энди, – кивнув Бэнсону, продолжил я. – Не знаю, в чём тут дело, но отнесёмся к этому серьёзно. Сейчас вставайте и идите к шлюпке. Шатайтесь, будто вы пьяный матрос, но идите проворно. Если вас хотя бы попытаются задержать – стреляйте не раздумывая, наши недалеко, прибегут. Бэн, дай капитану один пистолет. Сядете в шлюпку – ждите полчаса. Если нас не будет – гребите на “Дукат”. Команде раздайте оружие. Отправьте шлюпку на “Форт”, там сейчас Давид, пусть знает о случившемся. Всё.

Стоун спрятал пистолет под плащом, надел шляпу и вышел.

– Жаль, что мы не дворяне, Бэн, – сказал я с досадой, нащупывая спрятанную на боку Крысу. – Будь у нас титул – нам можно было бы открыто носить оружие. Незаметно достань один пистолет и держись рядом.

Мы вышли в холодный вечерний туман. Далеко впереди, на углу, маячила фигура полицейского. Ещё дальше, уже почти невидимый за туманом, шёл пьяный. Я нервничал. Снова поддёрнул под плащом Крысу, подвёл её рукоять к животу, двинулся в сторону полицейского. Когда мы подошли шагов на десять, он повернулся и уверенно зашагал в глубину портовых построек. Мы шли следом, стараясь не упускать из виду фигуру в чёрном высоком шлеме.

Заморосил дождь.

– Ты когда набивал заряды? – тихо спросил я.

– Меняю их каждое утро, – ответил Носорог. – Порох надёжный, мистер Том, не тревожьтесь.

Так двигались мы, стараясь не отстать от фигуры в тумане, минут пять или больше. Вошли в длинный кривой закоулок. Мусорные кучи, чёрные кирпичные стены без окон. Тупик.

Полицейский стоял, тревожно озираясь.

– Зачем такие предосторожности, констебль? – подойдя, спросил я его.

– А вот посмотрите сами, мистер Локк, – напряжённым голосом ответил он и протянул мне плотный серый конверт.

Запечатан. Я сломал печать, вытащил сложенный вчетверо лист, развернул, поднёс поближе к глазам. Бэнсон снял шляпу, сделал из неё навес над листом, чтобы морозящий дождь

не размыл чернила, мы склонили головы, вглядываясь, а полицейский вдруг выхватил кинжал и что было силы ударил им Бэнсона в грудь. Да. С такой силой, что рукоять обломилась и лезвие длинным тусклым пером осталось торчать из плаща, приколов его к груди. В ту же секунду полицейский бросился бежать. Я, выхватывая Крысу, повернулся к Бэнсону:

– Жив?!

– Да ведь плащ, куртка, щит с пистолетами. Не просто же так он обломился. Хотя кожу – чувствую – проколол.

Обхватив шляпой, он с силой сжал и выдернул страшную занозу.

– Но каков гад-то, – зло выговорил я, скидываясь в погоню.

А вот и нет. Гад сам шёл навстречу. В руке вместо сломанного кинжала – длинная шпага. За ним – ещё человек десять или больше.

– Ты почему амбала⁹ не заколол? – послышался от них низкий, недобрый голос.

– Да у него на груди что-то было, – часто дыша, оправдывался ряженный полицейский. – Вот, видите, – кинжал обломился!

– Тебе деньги не за кинжал отсчитали, а за его труп. И взял ты двойную долю. Так что иди теперь первым, отработай.

Полицейский со шпагой, с ним ещё один – больше просто не помещалось в тесном закоулке – были уже шагах в шести.

– Мадрас в Бристоле, – недовольно и очень спокойно обронил вдруг Бэнсон, и я почувствовал в руке холод металла. Тяжёлый, твёрдый, скользкий под дождём металл вывел меня из странного оцепенения. Я вщёлкнул Крысу в зажим на боку и взял в руки пару нелепых, с короткими толстыми стволами пистолетов. Мы взвели курки и вытянули руки.

– Шпаги – на землю, полицейский – сюда! – скомандовал я и подумал, что эту фразу я где-то уже слышал.

Люди озадаченно замерли. Между нами – четыре шага дождя и тумана.

– Вот глупцы, – раздался всё тот же недобрый голос. – Не видите разве – дождь. У них порох на полках давно вымок. Просто пугают. Давайте, кончайте дело.

Двое прыгнули вперёд. Рука Бэнсона высовывалась дальше моей на целый фут, и в этой руке вдруг зло, оглушающе гавкнул короткоствольный уродец. Рыжая вспышка осветила тупик. Голова ближнего к нему человека взорвалась и разбрызгалась по лицам стоящих сзади. Меня же дёрнул какой-то бес. Я не хотел убивать метнувшегося ко мне полицейского – о многом хотелось спросить у него, о многом – и нажал на курок, быстро опустив пистолет стволом вниз, чтобы перебить ему ногу. И промахнулся. А кто мешал мне потренироваться и привыкнуть к пистолетам заранее?! Кто?!

“Пропал заряд!” – с отчаянием подумал я, отшатнувшись от мелькнувшей перед моим лицом шпаги, и разрядил второй пистолет прямо в форменную, с блестящими пуговицами, грудь.

Нет, не пропал заряд. Пуля из второго пистолета, пробив полицейского насквозь, свалила ещё одного, шедшего следом.

– Всё, теперь вперёд! – вновь скомандовал голос.

Но вперёд пошли не они. Послышался стук отброшенного пистолета и Бэнсон, сделав длинный прыжок, прогрохотал ещё раз; ещё один упал, Носорог, сделав два шага, снова выстрелил, ему ответил ужасающий вопль, крик боли, и тут же – новый выстрел. Тёмные силуэты качнулись и откатились назад, а Носорог спокойно вернулся. Не с пустыми руками: принёс две шпаги, взятые у упавших. Как же это, ведь только дворянам можно носить шпаги в Англии!

⁹ Амбал – крупного телосложения грузчик (просторечное.)

– Эх, топорик бы мне, – громким голосом, перекрикивая вопль раненого, проговорил Бэнсон, деловито подбирая к руке шпагу. И добавил, обращаясь ко мне: – Их там ещё ровно восемь, я рассмотрел.

– Восемь! Да шестеро, после шести выстрелов, лежат. Все – на нас двоих? Это что же такое? Зачем?

А раненый всё так же исходил нечеловеческим криком. Но кто-то приблизился к нему, наклонился, и крик, булькнув, затих.

– Доля каждого увеличилась, – сказал голос. – Вперёд, кончайте дело.

И вновь перед нами двое.

– Чему только жизнь не научит, – обронил ставший вдруг разговорчивым Бэнсон и, подхватив лишнюю шпагу на манер копья, запустил ею в противника.

Тот резко согнулся и избежал удара, но вот тот, кто стоял за его спиной, уклониться не успел. Схватившись за рукоять вошедшего в его грудь железа, он тихо сел, привалившись к мусорной куче. А пригнувшийся стал распрямляться, и смотрел он на Бэнсона, не на меня, и я – будь что будет! – метнул в него Крысу. Метнул, не успев даже понять, что я делаю, несильно и неумело. Но Крыса, хотя и в слабом полёте, своё взяла. Так и не выпрямившийся до конца человек схватился за разрезанную шею и бросился назад, сквозь своих. Те расступились, пропуская его, а я подхватил с земли шпагу полицейского и метнул ещё и её, но впустую – шпагу легко отбили – звякнуло в воздухе – потом она брякнула о стену, но пусть, мне лишь бы внимание отвлечь, чтобы подскочить и поднять Крысу.

– Минус двое, – произнёс вставший рядом Бэнсон.

– Да, – ответил я, смахивая пот, – может одумаются?

Но случилось иначе.

– Бисмиллях! – раздался вдруг странный возглас, и прыгнул к нам по-звериному гибкий человек с лицом, закрытым чёрной занавесью, в которой были проделаны два отверстия для глаз. В правой руке он держал громадный изогнутый нож. Широкий на конце, очень похожий на сарацинский меч. В левой – короткую клиновидную дагу. Он вскинул дагу к шее и перерезал шнур плаща; плащ слетел, открыв нагое смуглое туловище, и человек напал.

Худо нам пришлось. Худо. Короткое, очень широкое у основания, прочное лезвие даги брало на себя наши удары, гасило их, а массивный нож-меч, визжа, обрушивал чудовищной силы полукружья ударов.

– Не подставляй, – кричал я между этими ударами, – шпагу! Впрямую! Сломится!

– Помню! – проорал мне в ответ Бэнсон, с трудом уворачиваясь, – и не сумел: звонко лопнула шпага; секущий удар дошёл и вздел его грудь, отбросил; я остался один, и тотчас занавесчатолицый лёг на низко выброшенную ногу, вытянулся и достал моё бедро концом даги. Меч он держал в сторону Бэнсона, справа и сверху, хотя и сломал только что его оружие – действует заученно, не думает. Тренированный зверь.

Сквозь мою рассечённую кожу вплыла вдруг в меня противная, вяжущая слабость, и почувствовалось, какое у меня тёплое, незащищённое и болезненное тело. Я на минуту стал словно младенец. Вот так. Вот и всё...

– Э-эх, пропадём! – заорал я не своим голосом, почувствовав вдруг, как что-то изнутри подхватывает меня и несёт, и, перехватывая рука под руку длинную ребристую рукоять, заплескал Крысой, с отчаянным и радостным бешенством, отдавая последние силы.

Точно и твёрдо встречали каждый мой удар скрещенные меч и дага, и я знал, что сейчас ослабну, и тогда под мой слабый удар встанет один только короткий клинок, а освободившийся меч легко и умело взрежет мне брюхо.

Четыре удара я уронил в страшную силу, не знаю, как только он выдержал, а уже пятый был слабее – чуть-чуть, едва ощутимо, но и он, и я это почувствовали. Показалось вдруг, что понимающе улыбнулись мне два круглых прорезанных глаза. Ещё удар он переждёт, и...

Страшный грохот ударил мне в уши. Яркая вспышка осветила на миг чёрную маску, смуглое, пугающе мускулистое тело, широкие, атласные, малиновые штаны. Таким же алым цветом окрасилась грудь нападавшего – большой кусок вырвался из неё сбоку и разлетелся по шерботой кирпичной стене.

“Бэнсон! Седьмой пистолет!” – подумал я, остановившись в изнеможении. И не вовремя: выскочил из темноты справа узкий клинок и укусил меня в правое плечо. Всё, что я смог сделать, – это перехватить Крысу левой рукой, выставить её перед собой и попятиться. Снова дёрнулся клинок, но его вдруг подшибла уже знакомая, развернувшаяся в обратную сторону дага и тут же мелькнул едва различимый в тумане кривой изогнутый меч. Нападающий охнул и пал.

– Осталось четверо, мистер Том, – прогудел ободряюще Бэнсон, и в это время впереди, в самом начале тупика гавкнул родной, узнаваемый выстрел, и сразу же послышались тяжёлые и частые удары. Закоулок заполнили люди в красных рубахах.

– Одного оставьте, – выговорил я, стремительно слабея от боли в плече.

– Оставьте одного! – рявкнул Бэнсон.

Он перебросил меч и дагу в одну руку, а второй, схватив меня за шиворот, как котёнка, усадил на кучу мусора.

– Плечо – пустяк, мистер Том, – испуганно и торопливо говорил он, – это не грудь, и не живот, и не шея...

– Цел? – выпалил, подбежав, Стоун.

– Живого взяли? – скрипя от боли зубами, спросил я его.

– Есть, есть один живой. Вы-то как?

– Нога и плечо...

– И нога ещё?! – воскликнул Бэнсон, уже заматывающий чем-то рану на плече.

– Но там совсем пустяки. Больно только. Как вы здесь оказались?

– Так ведь выстрелы слышали, всё поняли, – ответил взволнованный Стоун. – Оставили в шлюпке двоих, остальные – сюда. Вот только закоулок этот не сразу нашли. Хорошо, набежал на нас один с разрезанной шеей, приставили ему нож к рёбрам – он нас быстро привёл. И сразу же умер. Кровью изошёл.

– Так, все сюда, – сказал я, приподнимаясь.

Бэнсон, Стоун и шестеро в красных рубахах окружили меня плотным кольцом.

– Бэн, возьми горсть золота и разбросай вокруг. Пусть полиция не ломает голову – из-за чего здесь война. Собери пистолеты. Кто-нибудь, помогите ему!

Три человека принялись ощупывать тела и землю вокруг них.

– Если найдёте какие-нибудь бумаги – всё забирайте! – крикнул я им.

– Мы оружие возьмём? – спросил меня Стоун.

– Да, – булькающим от боли голосом ответил я. – Здесь его много. Берите, чтобы у каждого было что-то в руке. Затем. Берите схваченного и вот этого, в маске. Почему-то лицо прятал. Обоих – на “Дукат”. Там будем выяснять, что происходит. Всю команду вооружить – и в трюм, чтобы на палубе никто не маячил. Мы с Бэнсоном сейчас в Бристоль, а завтра приедем. Энди, отправь с нами двоих. И возьмите себе плащи у этих, – я кивнул на лежащие среди мусорных куч изломанные тела. – Прикройте свои рубахи, ведь за милю видно, что вы с “Дуката”. Всё. За дело.

Я стоял, пересиливая тошноту и головокружение. Подошёл Бэнсон.

– Пистолеты нашли все.

– А бумаги?

– Ничего нет. Только это...

В ладонь мне лёг объёмный кошель. Я заглянул в него. Золото. Деньги за наши головы? Вот и ладно.

– Разбросайте, – отдал я кошель Стоуну.

Разлетаясь, зазвякали о стены монеты. Четверо положили убитого на плащ, понесли. Двое матросов и Бэнсон остались со мной.

– Что-то на душе беспокойно, – сообщил я им. – Давайте-ка домой, и как можно скорее. Лошадей хорошо бы достать...

Сначала я шёл сам, потом почувствовал, что меня почему-то несут. Очнулся в экипаже, когда мы уже мчались по мощёным улицам города.

Похищение

Мы подкатили к дому. Ох, видно не зря упомянул ряженный полицейский мою семью. Так и есть. Что-то случилось. Глубокая ночь, а во всех окнах – свет. А из мужчин в доме только Генри, Нох да мистер Бигль. Невелика армия, если учесть, какие волки взяли наш след.

Мы ввалились внутрь. Должно быть, с нами влетел и ощутимый запах беды, так как Эвелин, едва взглянув на нас, спросила:

– Вы уже знаете?

– Что именно знаем? – уточнил я, стараясь не морщиться.

– Похитили Эдда и Корвина! – выпалила заплаканная Алис.

– Когда? – быстро спросил я.

– Ещё днём! А вас всё нет и нет!

– И вот мы тут как тут, – попытался отшутиться я. – А ещё что-нибудь произошло?

– Нет, ничего больше.

– Хорошо. Сейчас все, кто есть в доме, – поднимайтесь на второй этаж, в залу. Всё обсудим. Вы, – я повернулся к приехавшим с нами двум матросам, – закройте дверь, погасите свет, снимите башмаки и тихо прогуливайтесь по всему первому этажу. Следите за окнами.

Они понимающе переглянулись, расторопно принялись запира́ть дверь и сбрасывать обувь. Остальные пошли наверх. Я едва мог переставлять ноги, и Бэнсон почти внёс меня, подцепив за пояс.

– Итак, – сказал я, как только мы уселись, – как это можно – похитить двух живых людей среди белого дня в Бристоле? Откуда это известно?

– Генри был с ними, он всё видел!

– Очень хорошо. Теперь послушайте меня, Алис, Эвелин. Мы с Бэнсоном ранены. Сейчас сбросим плащи – и вы не пугайтесь. Займитесь ранами, но только молча. Нох, почисти и заряди пистолеты, а ты, Генри, рассказывай. Всё по порядку. И подробно, это очень важно.

Осторожные, быстрые руки принялись снимать с меня одежду.

– Куда? – не замечая падающих с лица слёз, с мучением в голосе спросила Эвелин.

– В правое плечо и ногу. Ножом и шпагой. Неглубоко.

– А Бэнсон?

– Два раза в грудь.

Рядом начала тоненько плакать Алис. Эвелин, сама в слезах, быстро обняла её, поцеловала, потом встряхнула несильно и выговорила:

– Беги к Мэри, пусть греет воду. Принеси сюда тазы из ванной. Свечей побольше. И мой ящичек с травами. Беги, время дорого!

С горестным, отчаянным подвыванием Алис умчалась, а я посмотрел на обнажённый торс Носорога. Почти в середине груди у него чернел струпик ранки. Крохотный, но крови натекло много.

– Всё-таки полицейский? – спросил я его.

Он кивнул.

– А тот, в маске?

– Не достал, – покачал головой Бэнсон. – Вот только сбрую испортил, – он приподнял и показал мне рассечённый наискось, почти надвое, толстый кожаный нагрудник.

– Ну что, рассказывай, – повернулся я к Генри. – Что произошло?

– Мы гуляли днём, – торопливо заговорил он, – Корвин, Эдди и я. Зашли к бакалейщику, купили бритву: Корвин сказал, что скоро начнёт бриться. Зашли в пирожковую, купили по два пирожка. Там рядом оказалась книжная лавка, я зашёл, а они ждали меня на улице. Вот там их и схватили.

– А почему они не пошли с тобой в лавку?

– У них же руки были масляные. Книги трогать нельзя. Они же пирожки кушали.

– Так, что дальше?

– Я пошёл на них в окно посмотреть.

– Почему?

– Так карета подъехала! Большая карета, лошади топали, и вдруг всё стихло. Я и посмотрел, почему карета остановилась. Дверца открылась, и у Эдда что-то спросили. Он стал рукой показывать, вроде бы как проехать. И ещё к карете подошли двое высоких людей, тоже стали показывать. Вдруг из кареты высунулась рука, схватила Эдда и втащила внутрь. Легко, как котёнка. И тогда эти двое высоких схватили Корвина и забросили его туда же. Сами вскочили на запятки, дверца захлопнулась, и лошадей стали сильно хлестать кнутом. Лошади понесли. Я выбежал – на дороге пирожки лежат...

– Какая была карета?

– Большая, красная с серым. На окошках – красные занавески. Лошади чёрные. Очень быстро усаkali. Я бежал следом за ней сколько мог. Потом она свернула, а я тихо пошёл домой: очень в бок кололо.

– В какую сторону свернула?

– В порт, к гавани. А я пришёл сюда и сразу всё рассказал.

– Я сбегал в дом к Давиду, – сообщил заряжающий пистолеты Нох, – там мальчишек с утра никто не видел.

– Не кажется тебе, что это две стороны одного дела? – спросил я у Бэнсона.

– Карета и полицейский?

– Карета и полицейский.

– Что же, на нас напали, предполагая, что мы можем погнаться за теми, кто увёз Эдда и Корвина?

– Я думаю вот как. Мальчишек схватили, чтобы с Давида требовать выкуп. Он купец известный, а дети для него – дороже жизни. Но, чтобы помешать нам выследить и отнять близнецов, решили напасть внезапно, чтобы избавиться от погони. Это хорошо, это ладно. Раз выкуп – значит, мальчишек прячут где-то недалеко. Значит, мы их найдём.

Нас обмыли, перевязали раны. Оказался вдруг перед нами столик, а на нём – большая сковорода с чем-то шипящим, красным, огненным.

– Острое и горячее? – попытался я пошутить, подхватывая ложку левой рукой, и бросил больной взгляд на Эвелин.

Она лишь грустно покачала головой.

– А эти двое, вы их убили? – слышался любопытный голосок успокоившейся немного Алис.

– Какие двое? – непонимающе спросил Бэнсон.

– Ну напасть-то на вас – нужно два человека, а не один.

– Вот как раз один.

– О-ой?!

– Да. Но очень сильный.

– Как ты?

– О не-ет, ещё сильнее. Я в него семь раз стрелял, но он убежал всё-таки. А перед этим нам с Томом шкуры попортил.

– И убежал?

– Как молния, Алис. Как ветер. Так что мы никого даже не обидели.

– А я бы убила его! – сердито сжала кулачки Алис.

– Ешь скорее, Бэнсон, – кривясь, сказал я. – У меня что-то аппетита нет. Сейчас поедем в порт, нужно Давиду сообщить.

– Нет, – возразила вдруг Эвелин. – Сейчас вы будете спать. Я вам сонной травки дала выпить.

– Зачем? – возмутился я.

– Затем, – спокойно прозвучал ответ, – что человек, потерявший много крови, внезапно падает в обморок, и надолго. Ты хочешь случайно встретиться с этим вашим убежавшим и упасть в обморок? Так-то. Ешьте – и спать. В порт пошлите одного из матросов. Или обоих: в доме сейчас достаточно мужчин для охраны. Если нужно – пригласите констебля, заплатите ему, пусть сидит у дверей, никого не впускает.

– Нет уж, – махнул я здоровой рукой. – Хватит нам на сегодня констеблей. Давай чего-нибудь наскоро выпьем, Бэнсон, а то действительно что-то в сон клонит.

Через четверть часа я уже спал. Последнее, что я слышал перед сном, – звон убираемой посуды и тихий горестный шёпот: “Томас...”

Проснулся я оттого, что в плече у меня торчала раскалённая игла. Терпеть, конечно, можно, но всё-таки очень, очень больно. Эвелин, сидя рядом на стуле, спала, склонив голову ко мне на подушку. Я тихо, оберегая плечо, привстал, дотянулся и поцеловал жену в крылышко носа. Она, не открывая глаз, улыбнулась, подняла руку, на ощупь коснулась моего лица.

– Болит? – спросила она шёпотом.

– Если бы знала, Эвелин, как ты красива, – вместо ответа сказал я.

– Хочу, чтобы мне встретился ангел, – открывая глаза, прошептала она. – Я бы ему сказала: “Забери мою красоту, только пусть Томасу не будет больно”.

– Ангелы бескорыстны, милая. Да и красоту тебе отдавать незачем.

– Тебе разве не больно?

– Ну, если бы было – я бы уже пищал. Нет, совсем не больно.

– Ах ты милый мой маленький лгун. Я же всё вижу.

– Интересненько, что же ты видишь?

– Мне серый лекарь один секрет открыл. Когда человеку хорошо, у него зрачки большие, широкие. А если ему плохо, то наоборот. Вот я вижу сейчас, что твои зрачки – крохотные, как иголки. И понимаю, как тебе тяжело. И это меня очень мучает. Ты ведь не лежишь денёк-другой? Ты ведь сегодня же встанешь?

– Что за рана у Бэнсона? – переменял я разговор. – Опасна?

– Нет. Там небольшой укол, только рваный, в четыре грани. Потому и крови насочилось много. Ему нельзя глубоко дышать – кожа на груди натянется и струпик лопнет. Нельзя бегать, смеяться, поднимать тяжёлое.

– Ладно. Будем ходить медленно и дышать осторожно. Попроси Ноха, пусть наймёт нам экипаж. Да не кэб, а какую-нибудь коляску с мягкими рессорами. Нужно ехать, искать Эдда и Корвина. Бэнсон встал?

– Давно поднялся. Они сидели с Нохом, зашивали его держалку для пистолетов.

– Мо-лод-цы.

Я попробовал встать и тут же забыл о плече. Страшная боль скрутила и дёрнула ногу. Вот так так, Томас. Как же человеку может быть так больно? Нельзя, чтобы Эвелин видела. Терпеть, надо терпеть, Томас!

Из-за боли я не помнил, как мы собрались, вышли из дома, как сели в карету и поехали в порт.

Непредвиденные обстоятельства

Коляска остановилась у края пристани. Я осторожно сошёл. Глянул на гавань – и сердце моё замерло. Замерло, став вдруг тяжёлой чугунной гирей, как и правое плечо. Бэнсон встал рядом, со свистом выдохнул сквозь зубы. “Дукат” с чёрным, обгоревшим бортом стоял, круто завалившись набок. Мачты склонились, как подпиленные деревья. Реи нависли над самой водой. С невидимой нам, наклонившейся палубы, скрытой обгоревшим бортом, поднимались струйки дыма и пара.

Сердце пустилось в толчки лишь тогда, когда я увидел, что из-за борта выворачивает и устремляется к нам наша шлюпка. Восемь человек гребцов, рулевой. Комплект полный. Да марсовый на мачте – увидел ведь нас, сообщил. Значит, люди целы. Что с кораблём?! Скоро, ох скоро узнаем. Мы молча смотрели. Рядом лениво прохаживались обычные в таких случаях зеваки.

Шлюпка подошла, и, пока гребцы её швартовали, Бариль, пробираясь к нам с кормы, испуганно причитал:

– Горе, беда, мистер Том! Ночью кто-то взорвал корабль! В дальнем борту дыра – лошадь проедет. Пожар-то мы к утру сбили, но на плаву едва держимся, воду помпами¹⁰ качаем.

– Кто взорвал?! – захлёбываясь от боли и злости, выговорил я.

– Чужие люди ночью, мистер Том, незаметно на шлюпке подошли и влезли на палубу. Но мы не спали, мистер Том, мы сразу их взяли в кольцо, а они заряд взорвали, у них с собой порох был. Вместе с собой взорвали, вот дикари-то! Едемте скорее, мистер Том, мы не знаем, что делать!

Мы медленно спустились в шлюпку. Меня бережно приняли и усадили: знают, похоже, что ранен. Шлюпка отвалила от каменного мола и рванулась к “Дукату”.

– Из наших кто пострадал? – спросил я убитого горем боцмана.

– Только не бейте меня, мистер Том, – понизив голос, прогудел Бариль, и хитроватая ухмылка полезла на его лукавую рожу. – Всё это я кричал для толпы на берегу. Мистер Стоун приказал. А мы все живы, и корабль целёхонек.

– Как? А что это? – я ткнул пальцем в горелый, с сильным креном “Дукат”.

– Нападение, мистер Том, было настоящее. Из наших четверо ранены. Из гостей взять никого не удалось – бились, как бешеные. Пришлось порубить их всех, и все сейчас лежат на палубе, парусом прикрыты. Мистер Стоун распорядился, чтобы вам показать. А заряд-то, что они с собой привезли, мы в их же шлюпку спустили, завели за дальний борт, чтобы с берега не различили, да взорвали. Тут же облили корабельный-то борт смолой и подожгли. Ну как будто у нас пожар. А как только смола до дерева выгорела – потушили. Потом все пушки перетасили на одну сторону, и балласт, и груз в трюмах. Славный получился крен, а?

– Гад ты, Бариль.

– Но, мистер Том! Мистер Стоун сказал, чтобы горе было натуральным. Чтобы даже вы поверили. Он сказал, что на берегу обязательно будет кто-то из тех, кто ночью нападавших-то послал! Ну, чтобы узнать, как вышло дело. Мне велено кричать и плакать. И чтобы лицо было растерянное. Вот и всё, мистер Том, а я тут ни при чём вовсе. Не будете бить?

– Нет, Бариль. Я тебя по-другому накажу.

– О-ох! А как?

– Выпьешь две пинты рома и пойдёшь спать.

– Хо-о! – протянул кто-то из гребцов. – Мне бы такое наказание!

¹⁰ Помпа – водяной насос.

Бариль бросил в сторону голоса короткий, пристальный взгляд и ссёк его, как топором. Порядок на корабле, порядок.

И в самом деле. Несмотря на крен – всё на местах, палуба прибрана, паруса обтянуты. На баке – бугорчатый, в бурых кровавых пятнах брезент. Возле него, поджидая нас, стояли Давид и Энди Стоун. Мы подошли, поздоровались.

– Открывайте, – нетерпеливо сказал я.

– Ох ты-ы! – воскликнули разом я и Бэнсон, когда матросы проворно закатали брезент. Одиннадцать тел, среди них – мускулистый и смуглый, в атласных, залитых кровью штанах. Лицо закрыто занавесью с глазами-дырками. Не наш, точно, но вот и наш – с краю, и тот же наряд, и та же маска. Только в груди сбоку – огромная рана. Лежит чуть в стороне от прочих. Чёрная ткань маски обтягивает череп, топорщится на носу и подбородке.

Я кивнул матросам, они сдёрнули маски с лиц.

– Турки! – изумлённо вскричал Бариль.

Да, похоже. Коричневые, с горбатыми носами лица. Бритые головы.

– Как узнал? – спросил я боцмана.

– Да уж встречался. Три года в южных морях, кое-чего повидал.

– “Бисмиллях” – турецкое слово?

– Точно так. Только не совсем турецкое. Восточное. Общее.

– Что значит?

– Это они кричат – “во имя Аллаха”.

– Так. Значит, один бисмиллях повёл команду на нас с Бэнсоном. Второй – отправился взрывать “Дукат”. Значит, в карете был ещё и третий. И он, вероятно, до сих пор где-то здесь.

– В какой карете? – озадаченно спросил Давид.

– В которую среди белого дня на улице запихнули Эдда и Корвина и увезли в сторону порта.

– Когда? – спросил он, стремительно бледнея.

– Вчера днём. Но, по-моему, это ещё не самое страшное. Вот послушайте, братцы. Днём, выбрав подходящий момент, уверенно и быстро забрасывают мальчишек в карету. Увозят в сторону порта. Вечером четырнадцать человек нападают на нас с Бэнсоном, и снова чувствуется добротная подготовка. Кто-то очень желает несомненного, безупречного успеха в деле. И этот кто-то денег не жалеет. Затем. Ночью приплывают десять человек, чтобы взорвать “Дукат”. И, братцы, ради простой прогулки или пьяного развлечения такую команду никто собирать не стал бы. Я ещё расспрошу, как вам удалось их одолеть. Заряд у них был большой?

– Железный бочонок с порохом. Если бы ударило на палубе – пробило бы до самого киля. (Это Бариль.)

– Вот так. Следовательно, потопить или хотя бы вывести из строя нашу посудину им крайне важно. Почему? А вот почему, братцы. Этот кто-то увёз близнецов морем. И сделал всё возможное, чтобы не было погони. Очевидно, он знает, как мы проявили себя у Чагоса. Помните два галеона с пиратами? Ну вот. Знает, что у нас за команда и что за корабль. Вернее, знал, потому, что сейчас он уже далеко.

Все невольно бросили взгляд на море, в бескрайнюю даль, а я продолжил:

– Этот кто-то не учёл две маленькие мелочи. Во-первых, в таверне с нами сидел не какой-то приятель, а Стоун, и команда была предупреждена. Вторая мелочь – что после бойни в Мадрасе Бэнсон день и ночь носит на груди восемь маленьких страшных уродцев. Вот почему мы сейчас здесь стоим, а эти лежат. Лучше бы, конечно, чтобы всего этого не было, но ничего. И так хорошо. Теперь вот что. Давид, ты как? Соображать можешь?

Он, с усилием сглотнув, кивнул, подобрался.

– Так вот. Я предполагал вначале, что мальчишек увезли, чтобы взять с тебя выкуп. Но нет. Деньги им не нужны. Деньги они швыряют без счёта. Близнецов похитили потому, что

некто, предположительно в Турции, решил занять именно их. Почему – это уже неважно. Мало ли прихотей у восточных владык. Теперь внимание. Давид, у тебя знакомства в адмиралтействе?

Он кивнул.

– Хорошо. Дело вот в чём. Если все свои дела они ведут столь же хватко и быстро, то корабль, на который привезли Эдда и Корвина, отплыл сразу же после похищения. То есть вчера. И нужные бумаги были выправлены в адмиралтействе в обход очередей и сроков, за большое денежное подношение. Поэтому. Нужно узнать, кто из чиновников выдавал в последние два-три дня такие бумаги. Я имею в виду внеочередные, незаконные, за взятку. Сможешь выяснить?

Давид снова кивнул.

– Вот и славно. Может быть, удастся узнать подробнее, куда и за кем предстоит гнаться.

– Ты хочешь отправиться за ними, Томас? – дрогнувшим голосом спросил несчастный отец.

– А ты как думаешь? – хмыкнул я почти весело.

– Но ведь ты только что женился, и дом... И столярный цех...

– Эвелин, конечно, жаль. Но, видишь ли, Давид. Совести не может быть чуточку меньше или чуточку больше. Она либо есть, либо нет. У меня она есть.

Стоун одобрительно кивнул.

– Да, Энди, – обратился я к нему. – Это исключительно умный ход – изобразить крен и пожар. Очень может быть, что у них в порту есть ещё один корабль, своего рода прикрытие, с заданием – не пустить нас в погоню. Теперь он видит, что мы вот-вот потонем. Теперь он может оставить нас в покое и отправиться вслед за первым с известием о результате этой их ночной вылазки.

Я с какой-то образовавшейся во рту металлической горечью посмотрел на лежащий на палубе “результат”.

– Поэтому, – повернулся я к Давиду, – нужно узнать, какие корабли покинут гавань сегодня и завтра.

– Ты всё-таки идёшь за ними, Том? – всё ещё не веря, спросил мой стареющий друг.

– Иду, Давид. И думаю, что найду их.

– Возьми все мои деньги.

“Да”, – задумался я. – “После покупки дома денег почти не осталось. Деньги нужны. Но не все, а сколько понадобится”.

Мы постояли молча. Смешанное с отвращением любопытство притягивало взгляд к пачкающим палубу трупам.

– Как смогли положить их всех, заплатив лишь четырьмя ранеными? – поинтересовался я у Стоуна.

– Так ведь готовы были, мистер Том. Ждали чего-то подобного. Ночь, темно, они влезли все сразу. А мы их в сети взяли. Сбросили сверху сеть-то. Предложили сдаться, но какое там. Они стали сеть резать, да выпрыгивать. Рубились – как сумасшедшие. Пришлось всех положить. Нас-то на палубе было без малого сорок.

– Стреляли?

– Нет, стволов с собой у них не было. Рассчитывали подойти незаметно, заложить порох и так же тихо уйти. Сонный торговый корабль – добыча лёгкая. А ведь у нас в трюме-то, мистер Том, лежит пленный. Взяли одного живого-то!

– Вот кстати, давайте его сюда. Может, ещё что узнаем.

Потянулись долгие минуты. Чтобы как-то себя занять, я отдал Барилу распоряжение привязывать балласт к ногам трупов: скорее бы уже выбросить их за борт и отмыть палубу.

Ничего они нам уже не расскажут, даже своеобразием оружия и одежды. Обычные работники разбоя, морские наёмники.

Наконец, привели пленного. Ну что, такой же вор и бандит. Жилистая шея, дикий взгляд, лицо в шрамах.

– Водили в клозет, – ответил на мой безмолвный вопрос Стоун, – потому так долго.

Я подошёл к мрачному, со связанными руками, бандиту.

– Мне нужно знать, – сказал я ему, – кто и когда вас нанимал, какая была плата и цель.

В ответ он оскалится, плюнул на палубу и бросил презрительно:

– Алле хагель!

Расхожее, старое, живущее много веков морское ругательство. Означает “разрази меня гром”.

– Хорошо, – спокойно произнёс я. – Бариль, прибавь его к их компании.

Боцман был чрезвычайно рад выполнить приказ. Возмущённый оскорблением, нанесённым палубе, он отвесил пленному такую страшную затрещину, что тот пролетел несколько шагов и свалился на сложенные в ряд трупы. В это время их, одного за другим, с привязанным к ногам балластом, подтаскивали к борту и, вспоров живот, сбрасывали вниз, в воду. Одного, второго, третьего. Вдруг цепко схватили лежащего на мёртвых телах пленника. К его ногам также прикрутили чугунную чушку, обнажили живот, и Бариль зловеще произнёс:

– Всё, приятель. Сейчас ты бросишь курить.

Наконец-то того проняло. Касание смерти неисповедимым образом меняет людей, в какой-то летучий, невидимый миг, безжалостно и безвозвратно. Разбойник побелел, из глаз выступили слёзы. Надувая жилы на шее, он закричал:

– Нельзя! Пусть меня судят! Без судьи нельзя!

– Давайте, ребята, тащите, – деловито и праздно, как будто речь шла о каком-то бревне, поторопил Бариль. – Только брюхо ему взрежьте не над палубой, и так придётся в две вахты отмывать.

Пленник выкатил обезумевшие глаза и, клацая зубами, стал судорожно цепляться связанными за спиной руками за мёртвые тела.

Вдруг раздался голос марсового:

– Вижу шлюпку! На мачте – Юнион Джек и вымпел адмиралтейства. Идёт к нам!

– Быстро! – приказал я. – Тех, кто остался, накрыть брезентом, вахтенные – по местам, остальные – вниз, на пушечную палубу!

Топот, шорох, всё стихло. Действительно, шлюпка движется к нам. Шестеро гребцов, на корме – очень юный, щёгольски разодетый чиновник.

– Эй, на “Дукате”! – закричал он срывающимся в фальцет тенорком. – Давайте трап!

Мы молча переглянулись. Пускать его сюда нельзя. Объясняться, что произошло, – значит задержаться в Бристоле ещё на месяц. Да и очень возможно, что этот визитёр уже получил свою порцию турецких денег за то, чтобы рассмотреть, насколько серьёзны повреждения на корабле. Нет уж, мистер. На палубу ты не ступишь. (Мне тут же пришло в голову, как себя с ним вести.)

Послышалось неумелое, полное бравады проклятие. Шлюпка обогнула корму “Дуката” и подошла со стороны крена, где борт был ниже.

– Трап давайте! – снова завопил голосок.

Хромая, я подошёл к борту, перегнулся.

– Чего распищался, шкерт? – сердито бросил вниз.

Юнец побагровел, задохнулся. Его гребцы попрытали неукротимые ухмылки. Каждый знает, что “шкертом” на корабле называется случающийся среди матросов придурок, “прислуга за всё”.

Минуту щёголь задыхался, тряс паричком, багровел, икал, выпучив глаза. Наконец, нашёлся:

– Я посланник адмиралтейства! Я выясняю, что здесь произошло!

– Ну и выясняй себе. Нас-то ты зачем беспокоишь?

– Немедленно спускайте трап! – едва не лопнул от вопля мальчишка.

– Да? – задумчиво посмотрел я на него. – А штаны тебе не спустить, сосунок?

Он кажется уже готов был заплакать, но вдруг нашёлся:

– Да он же пьян! Пьяный в команде! Кто таков, отвечай!

(Вот и хорошо. Пусть в адмиралтействе знают, что их посланника не пустили на корабль не по злой воле, а по причине временного пьяного безумия.)

– Тебе сколько лет? – вместо ответа спросил я. – Пятнадцать-то есть?

– Мне восемнадцать! – отчаянно закричал разряженный чиновничек.

– О, как восемнадцать лет назад твой папа был неосторожен!

– Негодяй! – завопил посланник. – Я заколю! – Он выхватил из посеребрённых ножен шпажку. – Я вызываю!

– Да? – удивился я. – А ты дворянин?

– Я знатный дворянин, мерзавец!

– О, какая хорошая фамилия!

(Честное слово, мне было жаль его. Но “Дукат” нужно было спасать.)

– На берег! – кричал плачущим голосом мой недруг. – Я вызываю!

– Ах ты, – посетовал я. – Не получится. Я-то не дворянин. Нельзя. Опозоришься.

– Где хозяин судна? Где документы? – страдал внизу гонец.

– Хозяин уплыл ещё вчера, – серьёзно ответил я. – А мы вот задержались. Ром попался хороший.

– А почему был пожар?

– Говорят тебе, ром, дурачок. Боцман выпил рома с порохом и пукнул. Вот и пожар. Ты сам-то что же, не пукаешь?

– Я арестовываю корабль! – завопил чиновничек.

– Дудки! – внезапно разозлился я. – Бумаги на “Дукат” получены в понедельник, так что нас здесь два дня уже нет!

– Я арестовываю вас!

– Хорошо, хорошо. Только шпажкой не маши, а то корабль потопишь!..

Вдруг случилось непредвиденное. Лежащий под брезентом, с балластом на ногах пленник, желая, очевидно, привлечь внимание тех, кто был в шлюпке, истошно закричал. В шлюпке вздрогнули и подняли головы.

– А-и-и-я-а! – пронёсся отчаянный вопль.

Проворно шмыгнул Бариль, ещё кто-то, зажали пленнику рот, а один из матросов вдруг пробежал с грохотом по палубе и с тем же “а-и-и-я-а!” – перегнулся через борт. Перегнулся и выплеснул из себя свой недавний обед. Юнец в шлюпке с маху уселся на банку, выхватил судорожным движением белый кружевной платочек, зажал нос и рот. Быстро замахал рукой, и шлюпка пошла вокруг корабля, обратно, к берегу.

– Эй, шкерт! – закричал я ему вслед. – Так ты зачем приходил-то?

Он лишь втянул голову в плечи.

– Вот, одной бедой меньше, – сообщил я, поворачиваясь к своим. – Но “Дукат” нужно уводить из гавани. Сегодня же. Пусть барражирует¹¹ в акватории¹² Бристольского залива, а придёт время отплытия – подойдём к нему на “Форте” или на “Африке”. Теперь. Где этот кри-

¹¹ Барраж – челночное движение почти на одном месте.

¹² Акватория – водный участок, принадлежащий городу или порту.

кун? Пугать, так уж пугать до конца. (А сам в это время быстро выхватил взглядом находчивого матроса. А, помню его. Готлиб Глаз. Так, ладно.)

Отпахнули брезент, замотали пленнику рот его же оторванным рукавом, потащили к борту. Я кивнул Барилю, и он, помогая тащить, как бы случайно сдвинул рукав с его лица. Тут же пленник хватил воздуха и завопил:

– Скажу, скажу-у! Уго Дак и Билли Плешивый меня позвали, а их турок нанял!

Я быстро хлопнул в ладоши, и дрожащего, с безумными глазами, бандита оттащили от борта.

– Один вопрос, – сказал я ему. – Ты жить хочешь?

Он затрясся сильнее, что-то промычал, кривя синие губы. Я был склонен рассматривать этот ответ как положительный, и продолжил:

– Тогда вот этим джентльменам, – я положил руки на плечи Давиду и Барилю, – расскажешь всё, что знаешь. Не захочешь – можешь прыгать за борт, держать не станем. (Я как бы невзначай бросил взгляд на привязанную к его ногам чугунную чушку.) – Тебя ведь сюда не звали.

Я поманил с собой Бэнсона и Стоуна и пошёл вниз, в каюты – встретиться с ранеными.

– Скажи, Энди, – осторожно ставя больную ногу на покосившийся трап, спросил я, – что это за причуда такая – вспарывать животы у трупов?

– Утопленник, мистер Том, через какое-то время начинает пухнуть и раздуваться, вроде бы как шар. И тогда он всплывает наверх, синий и страшный. Чтобы этого не было, его заранее и протыкают.

– Да, Энди, жизнь штука нелёгкая. Сколько же нужно было увидеть всплывших трупов, чтобы сообразить, что с ними следует делать!

С этими словами я вошёл в каюту, то самое помещение, которое, в ущерб пушечному хозяйству, было отдано команде. Метнулся короткий шёпот; кто-то, садясь, опустил с деревянной кровати костлявые жёлтые ноги.

– Не вставать! – потребовал я и подошёл ближе.

Всё-таки хорошо, что я распорядился сделать для команды такие вот узкие чуланчики без дверей. Ночью он – спальня, днём – столовая, цирюльня, портняжная мастерская и гардероб. Теперь вот он ещё и лечебница. Два ближних отсека заняты ранеными. Толстые соломенные тюфяки, белёный холст, привязанные верёвкой за два уголка подушки. На столиках стоят глиняные чашки, и от них поднимается пар. Время обеда уже прошло, значит, Леонард греет котёл специально для них. Это хорошо. Это правильно.

– Серьёзных ран нет, – вполголоса сообщил Стоун. – Джек в ногу, Лис и Сэм Гарпун – в грудь, Рэндалф – в руку и голову.

– Значит, на берег никого отправлять не будем?

– Нет, мистер Том. Поправятся здесь. Да и они отчаянно против.

– Против?

– Отчаянно. Все, мистер Том, считают, что ни на одной посудине во всём свете нет такой заботы о команде, как на “Дукате”. Что за время фрахта видит моряк, мистер Том, кроме изнурительной, до кровавых мозолей, работы? Короткий сон, гнилую еду да девятихвостую кошку.

– А это ещё что такое?

– Специальная плётка для битья матросов, с девятью концами. Есть на любом корабле, и даже заносится в опись имущества, как ведро, багор или якорь. Так вот. Матросы привыкли, что на корабле они – не люди. Они полумашинны, полуживотные. Скот, нанимаемый за гроши и подгоняемый пинками. А вот на “Дукате” они – люди. А комфорт и уют – это много значит для матроса. Это больше, чем роскошь. Нет, мистер Том, наш матрос покинет корабль только мёртвый. Да и то с большой неохотой.

И верно. Едва я только спросил у раненых, не желает ли кто сойти для лечения на берег, как услышал испуганную, горячую просьбу разрешить им остаться на корабле. Я пожелал им быстрого выздоровления, предупредил, что ночью корабль уходит из гавани, и мы отправились дальше, во владения Леонарда.

Грузный, спокойный, с бритой до блеска головой кок отложил в сторону длинный разделочный нож и почтительно поприветствовал меня и Стоуна. Я видел, что они с Бэнсоном были рады встрече и хотели пожать друг другу руки, но не пожали – наше присутствие остановило их. Я почувствовал это и испытал неловкость: никак не привыкну быть важной персоной. Скрывая смущение, спросил, все ли запасы сделаны. В ответ он широким жестом пригласил меня пройти в глубину камбуза и дальше – в склад на деке и склад в трюме. Каждый лишний шаг для меня был страданием, и я не хотел идти с этой ненужной проверкой, хватило бы и его слова, но досадная растерянность помешала мне остановить его.

Он шёл со свечой впереди, и её слабый свет теснился в узком проходе между стенами из бочек, бочонков, корзин и ящиков. Янтарное мерцание пятнало кованые углы продуктовых сундуков, накидывало вуали из чёрных ромбиков на корзины, вызывая эти ромбики из углублений под перегибами ивовых прутьев. Громадные косые кресты теней толкал свет впереди себя, налетая на туго натянутые канаты и цепи. Да, на случай бури наш провиант был закреплён тщательно и надёжно.

Трогая эти цепи рукой, на ходу, Леонард что-то пояснял, но я не слышал его. Сквозь боль в моё сознание просочились воспоминания о том разбитом “Дукате”, который из мёртвого живота своего вынимал для меня такие же вот бочки и ящики. Вдруг до меня долетела негромкая фраза:

– И тогда у матросов не будет цинги, нужно только их заставить.

– Что заставить? – переспросил я.

– Так капусту же кушать квашеную, мистер Том, – продолжал втолковывать мне кок. – Они ведь считают её какой-то подозрительной гадостью.

– И что же, это хорошее средство против цинги?

– Лучшее из доступных.

– Хорошо. Захвати с собой в камбуз, попробуем.

Мы пошли назад тем же узким коридором. Пахло дубом, воском и окороком.

Леонард выставил на стол большую глиняную миску и отвесил в неё из бочонка мокрой желтеющей каши. Из другого бочонка он плеснул в кружки какого-то тоже жёлтого мутного зелья и сильно разбавил его водой. Ко всему этому он прибавил горку сухарей и застыл возле стола, скрестив на груди тяжёлые толстые руки.

– Вот это спасает от цинги? – недоверчиво спросил я, разглядывая изысканную отраву.

– Именно так, мистер Том, – уверенно и весомо проговорил кок.

– И сухари?

– И сухари, – убедительно продолжил он. – Острые и жёсткие крошки трут и дают дёсны. Те становятся крепкими и плотными. Не будет сухарей – уже через пару месяцев кое-кто из команды, вместо того, чтобы прыгать по вантам, будет лежать с распухшими ногами и вынимать изо рта зубы. Один за другим. Как семечки из подсолнуха.

– А это что?

– Вот это – лимонный сок. Это – капуста.

– И всё это нужно давать команде?

– И матросам давать, и самим есть. И тогда если в море у кого-то случится цинга, я выйду из камбуза, поднимусь на палубу и пешком отправлюсь домой.

– Ох и сводит же скулы, – проворчал я, отхлебнув из кружки.

– Очень кислый, – важно согласился со мной Леонард. – Но лекарство сладким не бывает. Бэнсон и Стоун в это время дружно хрустели сухарями.

– Хорошие? – спросил я Носорога.

Он лишь блаженно зажмурился.

– Это кналлеры, – сказал довольный Леонард. – Запасся исключительно ими, хотя и дороговато.

– Немецкое слово? – спросил Стоун.

– Да, – кивнул кок головой. – По нашему – “трескуны”. Из ржаной муки. Самый любимый сорт у моряков. У “английских светлых”, что из пшеницы и кукурузы, совсем не тот вкус. “Хрустящие хлебцы” не очень-то уж хлебцы и уж совсем не хрустящие. Шведский круглый сухарь с дыркой посередине – очень твёрдый. Матросы называют его “точильный камень”. А трескуны – превосходная пища. Вот увидите, когда матросы будут делать “собачье пирожное”, я выдам им кналлеры – и они станут радоваться, как дети.

– Что за пирожное такое? – спросил я, всматриваясь в покачнувшийся вдруг перед глазами стол.

– Второе после пудинга лакомство на корабле. Толкутся сухари до крошек, добавляются сало, вода и сахар. Тут оно самое и есть.

Я почувствовал, что мне не просто тяжело, а что я стал терять силы. Мучительно потянуло лечь и не двигаться.

Мы поднялись на палубу. Здесь я заметил, что крен стал немного меньше, мёртвые тела исчезли, а между мачтами мечется, то и дело падая на колени, наш крикливый пленник и толкает перед собой тяжёлую каболковую швабру.

– Рассказал? – спросил я у Давида.

– Всё, что мог. Но только нового мало.

– А почему крен уменьшился? – поинтересовался я у Бариля.

– Вернули на место пушки левого борта, – доложил тот.

– Так быстро? Сколько же пушек на левом борту?

– Сколько и на правом. Пять.

– Что-о?! На “Дукате” всего десять пушек?!

– В бортовых портах – десять. Но есть ещё порт Оллиройса.

Боцман показал в сторону юта. Я посмотрел. На корме, на самой верхней надстройке, стоял невысокий, в рост человека, широкий шатёр. Круглый, как барабан, шагов семь или восемь в диаметре. Он занимал добрую треть юта; капитанский мостик сиротливо пристроился сбоку.

– Что это? – поражённый, спросил я.

– Никто не знает, – ответил мне Стоун. – Оллиройс строго, даже свирепо потребовал, чтобы ни одна живая душа не видела, что там внутри. Мне он шепнул лишь: “Там сидит страшный зверь”.

– Где он сейчас?

– В крьюйт-камере, взвешивает порох.

Но беседовать с канониром уже не было сил. Кое-как я спустился в шлюпку и закрыл глаза.

Глава 4

Тайна камина

Мы разделились. Давид помчался домой – переодеться, чтобы нанести несколько визитов знакомым и друзьям из адмиралтейства. Мы же с Бэнсоном и матросами прикатили домой. Прямо в прихожей я сбросил на пол Крысу и плащ, из последних сил доковылял до залы, лёг на тахту и прошептал склонившемуся надо мной милому лицу:

– Всё, Эвелин. Можешь меня лечить.

Прошептал – и отплыл в тёмную, вязкую пустоту.

Подготовка

Кажется, спал я долго. Очнулся в той же зале, раздетый, перевязанный, укрытый лёгким одеялом. Разбудили меня взволнованные голоса. Они старались быть тише и незаметнее, но эта их напряжённая скрытность вызвала как раз обратное действие. Я приподнял голову и слабо спросил:

– Что?..

Беседующие примолкли; устремились в сторону Эвелин пытливые робкие взгляды.

– Ладно уж, – вздохнула она. – Говорите, раз проснулся. Но только чтоб не вставал!

Поспешно кивая и успокаивающе поводя руками, ко мне приблизились Нох и Давид. За ними подтянулись остальные – высокий узколицый Робертсон, краснощёкий, с необъятной грудью и могучими руками Каталука, а также новичок в нашей компании – с выражением неловкости на круглом лице – Готлиб Глаз.

А я пожалел, что проснулся: раны встрепенились, словно два зверя; с радостным воем вгрызлись в меня их кривые и острые зубы. Непослушным сознанием, шалея от боли, я принялся вникать в смысл взволнованных слов Давида и Ноха.

Новости действительно были волнующие, и азарт немедленных действий пьянил и показывал всех. Всех, кроме меня. Одна только мысль – что сейчас нужно будет встать, одеться и ходить – доставляла мне новую боль. Стоило лишь подумать об этом, как с удвоенной силой вспыхивал огонь в проклятых ранах, и подкатывали слабость, отчаяние, тошнота. Я малодушно мечтал, чтобы кто-нибудь сказал: “оставим Тома в покое, сами справимся”, – но никто, никто этого не говорил. Более того, именно мне отводилась, с общего одобрения, главная роль в затеваемом действе. Но честное слово, проклятые звери так измучили меня, что я готов был заплакать! Кто бы мог подумать, что два неглубоких прокола могут принести человеку столько страданий. Как это не похоже на то, что я читал в книгах о боях и героях. На деле всё не так, совсем, совершенно не так. Или книги врут, или я не герой...

Вдруг очередное словечко задело меня. Я уловил, что вот именно сейчас вставать не придётся. Можно провести в постели ещё *два дня*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.